

О. ВЛАДИМИРОВ
В. РЯЗАНЦЕВ

•

**СТРАНИЦЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БИОГРАФИИ
МАО ЦЗЭ-ДУНА**

•

О. ВЛАДИМИРОВ, В. РЯЗАНЦЕВ

СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МАО ЦЗЭ-ДУНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1969

**Владимиров Олег Евгеньевич и Рязанцев Влади-
мир Иванович.**

B57 Страницы политической биографии Мао Цзэ-
дуна. М., Политиздат, 1969.

80 с.

В последние годы группировка Мао Цзэ-дуна развернула ожесточенную борьбу против социалистического содружества, марксистско-ленинских партий. Авантюристический, раскольнический курс маоистов подрывает единство международного коммунистического движения.

Каковы основные вехи политической биографии Мао Цзэ-дуна? Чем объяснить, что Мао и его сторонники, продолжая называть себя коммунистами, повели по сути дела линию на уничтожение китайской компартии, на ликвидацию завоеваний социализма в Китае, на раскол коммунистического движения. Об этом рассказывается в работе О. Владимирова и В. Рязанцева, предназначенной для массового читателя.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы группировка Мао Цзэ-дуна, выступающая от имени Компартии Китая, развернула ожесточенную идеологическую и политическую борьбу против марксизма-ленинизма и научного социализма, генеральной линии коммунистических и рабочих партий, против СССР и других социалистических стран. То, что несколько лет назад выглядело как теоретическая дискуссия, спор об истолковании отдельных положений марксизма-ленинизма, превратилось в оголтелый поход маоцзэдуновского руководства против марксистско-ленинских партий, против марксистско-ленинского учения, против Компартии Китая и социалистических завоеваний трудящихся КНР. Подавляющее большинство участников международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г. подвергли решительной критике антимарксистские концепции и антисоциалистическую деятельность нынешнего руководства КПК, возглавляемого Мао Цзэ-дуном.

В настоящее время в результате действий Мао Цзэ-дуна и его сторонников в КНР продолжается процесс разрушения народно-демократического строя и утверждения режима военно-бюрократической диктатуры. Коммунистическая партия как руководящая сила общества, выборные органы государственной власти, профсоюзы и все другие общественные организации разгромлены. Высшие руководящие органы партии и государства подменены так называемым «штабом Мао Цзэ-дуна», состоящим из узкой группировки маоистов, подавляющее большинство которых — военные. На местах насильственным путем насаждена система «революционных комитетов», которые осуществляют функции исполнительной власти, суда, прокуратуры, а также партийных и общественных организаций, т. е. являются органами централизованной милитаристской диктатуры. В нынешнем Китае не

остаются и следа от социалистической демократии и законности, устранены элементы выборности и народовластия.

Группа Мао, используя авторитет КПК, действует под флагом коммунистов, что вынуждает их сохранять внешние атрибуты коммунистической партии. Именно этой цели служил так называемый IX съезд КПК, состоявшийся в апреле 1969 г. Как явствует из документов съезда, группировка Мао официально оформила свой разрыв с марксизмом-ленинизмом, окончательную подмену его маоизмом как идейно-теоретической основы партии. IX съезд — это учредительный съезд **новой политической организации**, призванной служить послушным инструментом военно-бюрократической диктатуры группы Мао Цзэ-дуна.

В ходе «культурной революции» и в результате IX съезда все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни страны поставлены под контроль преданных Мао Цзэ-дуну армейских частей. Эти подразделения НОАК открыто используются в антинародных целях, в качестве орудия насилия и террора. Военным-маоистам принадлежит не только большинство в «штабе Мао Цзэ-дуна», во вновь созданном «ЦК КПК и в его руководящих органах», но и решающая роль в «ревкомках». Продолжается ускоренная милитаризация всей жизни страны, повсюду введен казарменный режим.

Несмотря на «марксистскую фразеологию» и социальный камуфляж группы Мао Цзэ-дуна, ее **антинациональная, антинародная сущность** совершенно очевидна. Политика группы Мао Цзэ-дуна противоречит интересам всех трудящихся Китая. **Для крестьянства**, составляющего более 80 процентов китайского населения, она означает консервацию крайне низкого жизненного уровня и ликвидацию всякой перспективы улучшения материальных и культурных условий. **Рабочий класс** она лишает всякой возможности воздействовать на ход событий в стране, а тем более осуществлять руководство обществом. **Интеллигенцию**, которая подверглась особенно жестоким физическим расправам и моральным унижениям в ходе «культурной революции», маоисты хотят низвести до положения самых отсталых категорий населения Китая, превратить в объект постоянной травли. Работников

умственного труда лишают возможности заниматься своим делом, отправляют «на перевоспитание» в трудовые лагеря.

Сильнейший удар нанесен по самой основе народно-демократического строя — **союзу рабочего класса и крестьянства**, еще до «культурной революции» подрванному политикой группы Мао Цзэ-дуна. Этот союз лишился своего главного политического института — собраний народных представителей, — образуемого демократическим путем. Маоистская политика противопоставления крестьян рабочим разрушает социально-экономическую базу союза рабочего класса и крестьянства. И лишь на интересы представителей **национальной буржуазии** маоисты не посягают.

В Китае уже на протяжении многих лет проводится **антиленинская национальная политика**. Мао и его сторонники усиливают процесс насильственной ассимиляции национальных меньшинств. Положение населения национальных районов непрерывно ухудшается. Снижается его и без того низкий жизненный уровень. Национальных деятелей культуры и искусства преследуют. Многие партийные и государственные работники неханьской национальности сняты со своих постов и объявлены «врагами». Во главе «ревкомов» всех пяти автономных районов КНР поставлены китайцы. Ликвидируются последние остатки местной автономии некитайских народов, формально гарантированной конституцией КНР.

Курс группы Мао Цзэ-дуна по отношению к основным классам и слоям китайского общества, искусственное разжигание политической борьбы в стране ради укрепления своего господства разбили фундамент общественно-политического строя КНР как «государства народной демократии, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян»¹.

Маоисты срывают создание в Китае экономических основ социализма. «Большой скачок» 1958 г., а затем «культурная революция» подорвали промышленное и сельскохозяйственное производство, дезорганизовали транспорт. Они привели к огромным потерям материальных средств, к разрушению органов управления социали-

¹ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 31.

стическим народным хозяйством. Экономика КНР оказалась отброшенной назад.

Фактически затормозив индустриализацию страны, группа Мао наращивает милитаризацию экономической жизни, стремится достичь максимально высоких темпов роста тех отраслей, которые работают на усиление ракетно-ядерного потенциала. Расходы на строительство новых объектов атомной и ракетной промышленности в несколько раз превышают капиталовложения в гражданские отрасли индустрии. Такая политика ведет к диспропорциям в экономике. Все дальше отодвигаются сроки решения жизненно важных для Китая народнохозяйственных проблем, связанных прежде всего с созданием современной материально-технической базы, подготовкой научно-технических кадров, улучшением материального и культурного положения трудящихся.

Экономическая политика Мао Цзэ-дуна привела к серьезной деформации социалистических производственных отношений, основа которых была заложена в период первой пятилетки КНР (1953—1957 гг.). Разрушение политической надстройки, созданной после народной революции, серьезные нарушения экономических законов и принципов социалистического хозяйствования выхолащивают социалистические элементы в социально-экономическом укладе Китая. То, что в КНР сохраняется государственная собственность, не меняет сути дела. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что государственная собственность лишь содержит в себе формальное средство, возможность разрешения¹ общественных противоречий, что огосударствление собственности в различных социальных условиях может давать неодинаковый результат и иметь различные социальные последствия. Решающую роль при этом играет социальный характер государства.

В Китае нарушено действие основных экономических законов социализма. В. И. Ленин подчеркивал, что цель социалистического общества заключается в обеспечении «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»². В противоположность этому Мао и его окружение подчиняют развитие

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 290.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

общественного производства своим гегемонистским планам. Большая часть национального дохода идет на реализацию этих планов, на подготовку к войне, на подрывную деятельность против социалистических стран и коммунистического движения. С помощью политических маневров и прямых репрессий маоисты подавляют законные экономические требования трудящихся. Планомерное, пропорциональное развитие экономики подменено волюнтаристскими «скачками», распределение материальных благ по труду — уравниловкой, материальное стимулирование — внеэкономическим принуждением. Трудящиеся лишены возможности участвовать в управлении народным хозяйством. Выявляется полный разрыв интересов государства (военно-бюрократической диктатуры) и интересов трудящихся.

На международной арене группа Мао Цзэ-дуна, преследуя гегемонистские цели, год от года активизирует подрывную, раскольническую деятельность против социалистического содружества, мирового коммунистического движения и других революционных сил современности. Главные усилия маоистов направлены на то, чтобы создать под эгидой Пекина беспринципный блок разнородных политических элементов, которых объединяет только одно — враждебность к марксистско-ленинским партиям, общая антисоциалистическая направленность их деятельности, борьба против коммунистической идеологии.

Борьба за гегемонию в мировом коммунистическом движении разворачивается одновременно с великодержавными устремлениями пекинских лидеров. Они выдвинули перед страной в качестве главной задачи призыв «готовиться к войне, готовиться к голоду». Разжигая откровенный шовинизм и крайний фанатизм, Мао и его сторонники одурманивают сознание широких слоев китайского населения, толкая его на безрассудные действия. Игнорируя уроки истории, Мао Цзэ-дун проводит антисоветский гегемонистский курс, пытается отравить и развратить сознание большинства нации идеями расизма и призывами к «восстановлению исторической справедливости», к созданию «великого Китая». Ничем иным нельзя объяснить кровопролитные провокации, предпринятые группой Мао на советско-китайской границе, ее призывы «предъявить счет Советскому Союзу», притязания на обширные территории, принадлежащие нашей стране.

Правительство СССР в своих заявлениях от 29 марта и 13 июня 1969 г. полностью доказало всю несостоятельность этих притязаний пекинского руководства, раскрыло его подлинные великодержавные замыслы.

Коренные перемены, происшедшие в политической надстройке и экономическом базисе Китая, в его внутренней и внешней политике, свидетельствуют, что группа Мао Цзэ-дуна своими действиями **уводит Китайскую Народную Республику все дальше с социалистического пути.**

* *

*

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил в своем выступлении 7 июня 1969 г. на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве: «Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа,— большая и серьезная задача».

Возникает вопрос: как объяснить, что Мао Цзэ-дун и его окружение, продолжая называть себя коммунистами, взяли курс на ликвидацию компартии и завоеваний социализма в своей стране, усиливают идеологическую и политическую борьбу против коммунистических партий и социалистических государств, разрывают связи с международным пролетариатом, противопоставляют себя всему мировому революционному движению? Как могло случиться, что националистические, антимарксистские тенденции взяли верх в китайском руководстве и определяют политическую обстановку в стране? Ведь хорошо известно, что Компартия Китая имеет большие революционные заслуги, что она возглавила героическую революцию, которую совершил великий народ, прошедший тяжелый путь многолетней и кровопролитной освободительной борьбы.

Знакомство с фактами и документами позволяет утверждать, что авантюризм и национализм политики нынешнего руководства КПК имеют свои **исторические корни**. В истории китайского революционного движения прослеживается непрерывная борьба между двумя основными направлениями — подлинно марксистским, интерна-

националистским, с одной стороны, и националистическим, мелкобуржуазным — с другой. Последнее долгое время маскировалось под марксизм, потом приобрело окраску так называемого «китаизированного марксизма», а в настоящее время представляет собой откровенный и воинствующий великодержавный национализм, мелкобуржуазный авантюризм, прикрываемый ультралевой фразой. К сожалению, случилось так, что именно это второе направление, тесным образом связанное с именем Мао Цзэ-дуна, возобладало в Китае в результате применения насилия и разнузданной демагогии. Губительные последствия политики Мао Цзэ-дуна и его группы — разительный пример того, к чему ведут волюнтаристские методы руководства, чуждый марксизму-ленинизму культ личности, если они не встречают должного отпора. Трагедия китайского народа, китайских коммунистов свидетельствует, какую опасность для революционного движения представляет собой мелкобуржуазный, националистический курс. Этот тяжелый урок — серьезное предостережение для всех отрядов мирового коммунистического движения.

Победоносное строительство социализма требует соответствующих предпосылок: материальных — в виде промышленности, достигшей определенного уровня развития, и социальных — в лице промышленного пролетариата. Страна, в которой такие предпосылки еще только складываются, может также успешно строить социализм, но при этом опираясь на всестороннюю политическую, материальную и научно-техническую помощь мировой социалистической системы, на ее опыт, а также на поддержку мирового рабочего движения. Пример Китая еще раз подтвердил актуальность ленинского указания о том, что задача коммунистической партии в экономически отсталой, в прошлом угнетенной стране состоит не только в том, чтобы всемерно способствовать формированию, росту рабочего класса, его политическому просвещению, но и в том, чтобы осуществлять связь рабочего класса и всех трудящихся своей страны с мировым рабочим классом и «слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 330.

Международное коммунистическое движение еще в 20—40-х годах с озабоченностью следило за некоторыми тревожными явлениями в Компартии Китая, особенно после прихода к руководству партией Мао Цзэ-дуна. Эти явления беспокоили и многих китайских коммунистов, что находило свое отражение в документах того времени, впоследствии умышленно скрытых Мао Цзэ-дуном и его группой.

Братские партии искренне старались помочь китайским коммунистам освободиться от ошибочных взглядов и оппортунистических уклонов, дружески высказывали свои соображения как в решениях и письмах Исполкома Коминтерна, так и в рамках межпартийных связей. При этом братские партии исходили из того, что руководство КПК с помощью международного коммунистического движения сможет постепенно преодолеть свои ошибки, стать на правильный путь.

Китайские коммунисты-интернационалисты всегда высоко оценивали дружескую позицию Коминтерна, его всестороннюю помощь Компартии Китая. Зарождение первых марксистских кружков в Китае, создание в 1921 г. коммунистической партии связано с вдохновляющим воздействием мирового коммунистического движения. По признанию китайских товарищей, принципиальные положения по вопросам революционной борьбы в Китае, тактики и стратегии китайской революции, выдвинутые в 20—30-е годы в документах Коминтерна и КПСС, имели неоценимое значение для КПК. Эти положения касались движущих сил китайской революции, ее особенностей и основных задач на различных этапах, содержали выводы о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в Китае в социалистическую революцию, о необходимости вести вооруженную борьбу против вооруженной контрреволюции. Большой вклад был сделан и в разработку таких важнейших проблем, как строительство партии, гегемония рабочего класса в условиях Китая, роль крестьянства в китайской революции, единый народный фронт, создание революционных баз в сельской местности, строительство китайской Красной армии.

Руководители КПК в свое время подчеркивали, что содействие Коммунистической партии Советского Союза

и братских партий других стран в теоретической разработке проблем китайской революции составляло одну из существенных форм поддержки революционного движения в Китае. В 1949 г. Мао Цзэ-дун писал: «Коммунистическая партия Советского Союза является нашим лучшим учителем, мы должны учиться у нее».

Напоминать обо всем этом приходится потому, что группа Мао Цзэ-дуна в последние годы не раз пыталась представить в превратном свете историю взаимоотношений между мировым коммунистическим движением и КПК. Апологеты культа личности Мао, искажая истину, приписывают ему разработку всех основных положений стратегии и тактики китайской революции, заявляя, что Коминтерн и Москва им лишь «мешали вырабатывать правильную линию». Эта грубая фальсификация объясняется не только политическим угодничеством. Маоцзэдуновские «теоретики» ставят своей целью переписать в националистическом духе всю историю китайской революции и Компартии Китая.

В издаваемой в Пекине исторической литературе обходятся молчанием международные и внутренние факторы, обеспечившие победу китайской революции, приносится роль мирового коммунистического движения. В то же время в ней умышленно извращается картина борьбы националистического и интернационалистского течений в КПК, приукрашивается политическое лицо нынешних китайских руководителей, обеляются применявшиеся ими методы внутрипартийной борьбы. Отличительная черта подобных сочинений — безудержное преувеличение роли Мао Цзэ-дуна на различных этапах китайской революции, замалчивание всех фактов и свидетельств, которые изобличают националистов, ныне занимающих руководящие посты в КПК.

Чтобы любой ценой поддержать культ Мао Цзэ-дуна, его трубадуры пытаются изъять из истории КПК, из истории китайской революции многие страницы, вычеркнуть из памяти народа целую плеяду замечательных китайских революционеров, людей, стоявших у колыбели Компартии Китая, отстаивавших идеи пролетарского интернационализма, идеи единства с другими марксистско-ленинскими партиями, дружбы с Советским Союзом. Некритическое использование тенденциозных китайских

материалов сказались и на ряде работ по истории КПК, вышедших в 40—50-е годы в СССР и других странах.

В то же время многие факты, касающиеся ведущих партийных деятелей КПК, положения в ней и подлинной картины внутривластной борьбы, оставались невыявленными или не привлекали должного внимания.

В интересах самих китайских коммунистов — восстановить действительный ход событий и роль в них тех или иных руководителей КПК. Этого требует, прежде всего, борьба за разоблачение антимарксистской, антинародной политики Мао и его сторонников.

Цель настоящей брошюры — познакомить читателей с некоторыми малоизвестными фактами из истории КПК, уделив особое внимание политической характеристике деятельности Мао Цзэ-дуна.

СТАНОВЛЕНИЕ КОМПАРТИИ КИТАЯ И БОРЬБА В НЕЙ ДВУХ ЛИНИЙ

Как известно, становление Компартии Китая, формирование взглядов китайских коммунистов проходило в чрезвычайно сложных условиях: КПК возникла в полуколониальной, полуфеодальной стране, крайне отсталой в экономическом, социальном, политическом и культурном отношениях.

Хотя начавшееся с конца XIX века развитие капиталистического способа производства и товарно-денежных отношений ускорило процесс разложения феодализма в Китае, основной отраслью его экономики оставалось сельское хозяйство, страдавшее от многочисленных феодальных пережитков. В 1949 г. современная промышленность давала лишь 17 процентов валовой стоимости продукции всей страны, а остальное приходилось на сельское хозяйство (почти 70 процентов), мануфактурное и кустарное производство.

Отсталой экономике соответствовала неразвитая социальная структура. К моменту образования КНР в 1949 г. промышленных рабочих в Китае насчитывалось лишь 2,5—3 миллиона человек. Среди городских жителей преобладали мелкобуржуазные элементы. Не менее 90 процентов из 475-миллионного населения страны составляло крестьянство. Буржуазия как класс была слабой и делилась на две группы — компрадорскую буржуазию, в основном крупную, выросшую в сотрудничестве с иностранными империалистами, и национальную, включавшую главным образом среднюю и наиболее зажиточный слой мелкой буржуазии.

В идейной жизни китайского общества переплетались различные течения патриархального и феодального толка, элементы мелкобуржуазного и буржуазного мировоззрения, анархизма и утопического социализма, наконец,

религиозных верований (буддизм, конфуцианство) и т. п. Глубокие корни пустил в Китае воинствующий великоханьский национализм.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, ознаменовавшая начало эпохи революционного перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе, оказала огромное воздействие на Китай. Она открыла китайскому народу путь к освобождению, содействовала распространению в стране марксистско-ленинского учения, идей научного социализма. Как уже говорилось, при разносторонней помощи Коминтерна в стране сформировались марксистские кружки, на базе которых в июле 1921 г. была создана Компартия Китая.

Переход от кружков к оформлению партии совершился относительно быстро. Этому способствовало наличие различных революционно-демократических организаций, в недрах которых сформировались марксистские группы. В них входили не только коммунисты, но и сторонники анархизма, крестьянского социализма и т. д. Такая разнородность и обусловила в дальнейшем идейную неустойчивость отдельных групп китайских революционеров.

Специфика социально-экономического положения и политической жизни китайского общества сказалась на развитии марксистской мысли в стране, на формировании политических взглядов отдельных лидеров КПК, породила большие трудности для революционного движения. Они во многом были связаны, в частности, со слабостью пролетарской прослойки. Молодой, не прошедший школы длительной классовой борьбы китайский пролетариат был небольшим островком в безбрежном океане мелкобуржуазной стихии. Рабочее движение Китая фактически только начинало свою историю и не имело необходимого опыта. По своей социальной природе большинство китайских коммунистов были типичными мелкобуржуазными революционерами со всеми присущими им недостатками и шатаниями. «При существующем положении в Китае рабочее движение далеко не такой крупный фактор, чтобы быть способным вести за собой все национальное движение против империализма», — писал в октябре 1923 г. бывший представитель Коминтерна в Китае Г. Войтинский.

Другим источником трудностей было то, что до 1917 г. Китай вообще не знал марксизма. И это обстоятельство осложнило формирование подлинно революционного авангарда в стране. Китайские революционеры — демократы и многие коммунисты, особенно из числа интеллигенции, считали главной задачу национального, а не социального освобождения Китая. Поэтому идеи национализма превалировали в их сознании, оттесняя идеи классовой борьбы. В марксистско-ленинском учении и Октябрьской революции они увидели в первую очередь, как писал сам Мао Цзэ-дун, ключ к «национальному возрождению» и «спасению Китая».

Слабость пролетариата, переплетение в едином революционном потоке задач социалистической, антифеодальной и антиимпериалистической революций, сложная идеологическая обстановка — все это оказывало серьезное влияние на формирование марксистской мысли в стране и политических взглядов отдельных лидеров компартии. В Компартию Китая и ее руководство нередко попадали люди, которые объявляли себя марксистами, пролетарскими революционерами и действительно были готовы самоотверженно бороться за освобождение своей родины, но по существу имели весьма отдаленное отношение к марксизму и к рабочему движению. Этим объясняется и то обстоятельство, что руководители КПК, шедшие в основном правильным, интернационалистским путем и героически сражавшиеся за дело рабочего класса, оступались, допускали ошибки.

Пленум ЦК КПК, состоявшийся в ноябре 1927 г., отмечал в резолюции «Ближайшие организационные задачи Китайской коммунистической партии»: «Одним из основных организационных недочетов КПК, имеющим огромное политическое значение, является то обстоятельство, что почти весь руководящий актив нашей партии состоит не из рабочих и даже не из беднейших крестьян, а из представителей мелкобуржуазной интеллигенции. КПК стала складываться как политическое течение и как партия еще в тот период, когда китайский пролетариат не самоопределился еще как класс и когда классовое движение рабочих и крестьян находилось еще в самом зачатке. Подъем национально-освободительного движения, в котором огромную роль сыграла вначале буржуазия, и в особенности мелкобуржуазная интеллигенция,

опередил в Китае задолго рост классового самосознания и классовой борьбы эксплуатируемых масс. В этот период наиболее радикальные элементы мелкой буржуазии устремились в ряды нашей партии, занимавшей самое левое крыло на фронте национально-освободительного движения. Эти элементы и составляли первоначальное ядро китайской коммунистической партии. Массовый приток рабочих и беднейших крестьян в партию начался сравнительно поздно по мере развертывания революционного классового движения трудящихся. В силу этого руководящая роль в КПК и сохранилась за выходцами из мелкобуржуазных слоев. Поднятая волной революционного подъема и энтузиазма первого периода, не прошедшая теоретической школы марксизма-ленинизма, не знающая опыта международного пролетарского движения, не связанная с эксплуатируемыми низами китайского народа, стоящая в стороне от классовой борьбы рабочих и крестьян, значительная часть этих революционных мелкобуржуазных элементов не только не переваривалась в КПК, не только не переделалась в последовательных пролетарских революционеров, но сама внесла в КПК всю политическую неустойчивость, непоследовательность и нерешительность, неспособность к организации, непролетарские навыки и традиции, предрассудки и иллюзии, на которые только способен мелкобуржуазный революционер».

Тем не менее, несмотря на эти чрезвычайные трудности, в Компартии Китая постепенно сформировалось ядро теоретически подготовленных и накопивших практический опыт революционеров-марксистов, убежденных сторонников пролетарского интернационализма. К ним прежде всего следует отнести одного из первых популяризаторов марксизма в Китае и основателей компартии, профессора Ли Да-чжао. Рядом с ним можно назвать Цюй Цю-бо — видного партийного руководителя, изучавшего непосредственно в Советской России опыт Октябрьской революции; Пын Бая — создателя первого крестьянского союза в стране и первого рабоче-крестьянского демократического правительства; Чжан Тай-лэя — одного из организаторов компартии и комсомола, возглавившего восстание в Гуанчжоу (Кантон) в 1927 г.; Су Чжао-чжэна — члена Политбюро ЦК КПК, председателя исполкома правительства Кантонской коммуны; Фан Чжи-миня — основателя одной из первых революционных баз,

участника Наньчанского восстания, которое стало днем рождения китайской Красной армии, и др. Активную работу в партии вели также другие товарищи, получившие серьезную марксистскую подготовку и тесно связанные с Коминтерном в 20—30-х годах, в частности Бо Гу, Чжан Вэнь-тянь, Ван Мин. Растущей популярностью среди китайского народа пользовались руководители вооруженных отрядов Чжу Дэ, Пын Дэ-хуай, Хэ Лун, Е Тин и другие.

Однако эта группа не была единственной в партии. В КПК все отчетливее формировалось два направления: марксистское, интернационалистское, знаменем которого были идеи Октябрьской революции, и националистическое, мелкобуржуазное по своей идейной сущности. На ход и исход борьбы между этими двумя направлениями существенное влияние оказало то обстоятельство, что деятельность китайской компартии после 1927 г., когда был осуществлен чанкайшистский переворот, протекала в условиях жестокого террора: против коммунистов с одинаковой ненавистью боролись и центральное гоминдановское правительство, и провинциальные милитаристские клики, и войска западных империалистов, и японские оккупанты. Китайские коммунисты явили образцы самоотверженности и героизма в битвах за освобождение трудящихся, но в этих битвах погибло большинство испытанных руководителей китайской компартии, множество лучших ее сынов.

В 1927 г. китайские генералы-милитаристы расправились с Ли Да-чжао, погиб Чжан Тай-лэй. Через два года в Шанхае был казнен Пын Бай. В 1935 г. гоминдановцы расстреляли Цюй Цю-бо. В том же году был зверски убит один из прославленных героев китайской Красной армии — Фан Чжи-минь.

Тысячи китайских коммунистов пали от рук гоминдановцев. Только за первые шесть месяцев после чанкайшистского переворота в 1927 г. число членов КПК сократилось в 5 раз — с 50 тысяч до 10 тысяч. В начале 30-х годов большой ущерб партии нанесли репрессии, обрушившиеся на коммунистов в Шанхае в результате предательства.

Огромные потери понесла партия в период отступления китайской Красной армии из центральных районов на северо-запад страны. По официальным китайским

данным, численность КПК с 1934 по 1937 г. сократилась с 300 тысяч до 40 тысяч человек.

В общей сложности с 1927 по 1935 г. погибло примерно 400 тысяч членов КПК и сочувствовавших ей, в том числе почти все коммунисты, работавшие в городских партийных ячейках, среди рабочего класса.

К началу 1935 г. большинство старых партийных кадров, включая многих наиболее опытных руководителей, было выбито, подпольные организации в городах разгромлены. Это было подлинной трагедией для Коммунистической партии Китая.

Вся партийная работа фактически сосредоточилась в воинских соединениях, находившихся под контролем КПК, и на нескольких опорных базах, отдаленных от главных политических центров страны, от основных масс китайского пролетариата. Длительное время численность партии росла главным образом за счет крестьянства, мелкобуржуазных элементов, выходцев из эксплуататорских классов и интеллигенции. Приток рабочих в партию, по существу, прекратился; давление мелкобуржуазной стихии на партию усилилось.

Именно в этот период националистически настроенные элементы, возглавляемые Мао Цзэ-дун, сумели упрочить свои позиции в руководстве компартией, ослабленной понесенными потерями, и в армии. Они опирались, с одной стороны, на армию, с другой — на мелкобуржуазную массу, деклассированные элементы. Весьма характерно, что внутри КПК Мао Цзэ-дун и его сторонники не остановились перед глубоко антипартийными, заговорщическими методами борьбы со своими идейными противниками. Смысл и значение всего этого в полной мере раскрылись лишь три десятилетия спустя.

В тех конкретных условиях Мао Цзэ-дун и его группа объективно были вынуждены действовать в русле главного потока борьбы китайского народа. Энтузиазм масс, жизненная необходимость интернациональной поддержки, в первую очередь со стороны Советского Союза и всех освободительных сил, диктовали руководству китайской компартии единственно возможный путь — путь революционной борьбы. Маоисты при всех своих националистических устремлениях не могли не считаться с тем, что политическая обстановка на международной арене и в самом Китае не оставляла им иного выбора.

Коммунистическая партия Китая сумела выполнить свою роль руководителя борьбы против гнета иностранного империализма и возглавить победоносную народную революцию. Следует особенно подчеркнуть, что победа китайских трудящихся в 1949 г. стала возможной в результате разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма, освобождения Советской Армией Северо-Восточного Китая. Мощь нашей страны предотвратила открытое вмешательство империалистов в гражданскую войну в Китае на стороне Чан Кай-ши.

В 50-е годы в КНР развернулась активная борьба с пережитками феодализма, были проведены важные социальные преобразования, завершено выполнение задач демократической революции и созданы предпосылки для успешного строительства социализма. Группа Мао Цзэ-дуна была вынуждена глубоко маскировать свои давние замыслы, сознавая непопулярность ее великодержавных, националистических установок в партии и народе. Широкая помощь Китаю со стороны Советского Союза и других социалистических стран, использование в КНР международного опыта социалистического строительства — все это затрудняло маневры маоистов, укрепляло в Китае и КПК интернационалистские тенденции.

Однако к концу 50-х годов националистическое течение в руководстве КПК вновь вышло на поверхность. Все новые и новые факты свидетельствовали о грубом игнорировании Мао Цзэ-дуном и его сторонниками теории и практики научного социализма. В свете прошлой истории маоизма этот поворот не был случайным, хотя его нельзя считать и неизбежным, роковым итогом предшествующего развития.

В условиях крестьянской, мелкобуржуазной страны особое значение имели и имеют ленинские указания о том, насколько важно, насколько жизненно необходимо для коммунистической партии выработать правильную политику, опереться на рабочий класс, суметь повести за собой крестьянство, не растворяясь в нем. Положение в Китае показывает, что может произойти, когда эти ленинские указания игнорируются и партия дает захлестнуть себя мелкобуржуазной стихии, когда нарушаются ее интернациональные связи с другими братскими партиями и странами.

В политике руководства КПК постепенно взяли верх присущие мелкобуржуазным революционерам национализм и авантюризм. Как уже отмечалось, **наиболее откровенно эти тенденции выявились в деятельности Мао Цзэ-дуна**, и потому ее анализ особенно важен.

Надо при этом иметь в виду, что положительные аспекты деятельности КПК уже достаточно подробно освещены в исторической литературе. Но при оценке вклада тех или иных лидеров Компартии Китая в революционное движение нередко под влиянием китайских публикаций допускались отступления от исторической правды. Особенно приукрашен в результате такого подхода политический облик Мао Цзэ-дуна. Тем более важно для историков-марксистов рассмотреть роль Мао в процессе китайской революции с позиций реальной действительности.

ФОРМИРОВАНИЕ МАО ЦЗЭ-ДУНА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

Формирование Мао Цзэ-дуна как политического деятеля шло сложным и противоречивым путем. В силу обстоятельств его имя так или иначе длительное время связано с различными эпизодами освободительной борьбы китайского народа. Однако объективный анализ деятельности Мао встречает большие трудности. Они объясняются не только чрезвычайно ограниченным кругом материалов, но, как уже упоминалось выше, и явной фальсификацией фактов китайской официальной историографией и маоистской пропагандой.

Мао Цзэ-дун — плоть от плоти порождение отсталого, полупеодального Китая. Он вырос в зажиточной кулацкой семье. Мелкобуржуазная среда, ее идеология, ее чувства и побуждения были для него несравнимо ближе, чем пролетарское мировоззрение. Мао Цзэ-дун целиком и полностью воспринял великодержавный шовинизм, культивировавшийся в Китае императорами и позднее ставший идеологией китайской буржуазии, мелкобуржуазных слоев населения и интеллигенции. Идеиные взгляды Мао Цзэ-дуна складывались под влиянием самых различных течений.

Мао Цзэ-дун рассказывал в 1936 г. американскому журналисту Э. Сноу о периоде учебы в педагогическом училище в Чанша, которое он окончил в 1918 г.: «В то время в моей голове забавно перемешивались идеи демократизма, либерализма и утопического социализма. У меня были какие-то неопределенные увлечения демократией XIX века, утопизмом и старомодным либерализмом...» Касаясь своего первого пребывания в Пекине, куда он приехал после окончания училища, т. е. за полтора — два года до того, как «стал марксистом», Мао отмечал: «Я прочитал несколько брошюр об анархизме, и они произвели на меня впечатление... В то время я одобрял многие его положения». Мао переписывался с другими анархистами и даже думал организовать анархистское общество. Обобщая данные об идейном формировании Мао, Э. Сноу, являющийся до сих пор практически его единственным биографом, писал, что Мао, прежде чем стать коммунистом (а это произошло, когда ему было уже около 30 лет), «менял свои идеологические взгляды по крайней мере семь раз, прогрессируя от буддиста через монархиста до социалиста».

Вопреки утверждениям нынешней официальной китайской историографии, Мао Цзэ-дун никогда не был прочно связан с рабочим движением, не изучал глубоко марксизм-ленинизм, научный социализм. В первой половине 20-х годов он в какой-то мере участвовал лишь в студенческом и молодежном движении. После вступления в КПК в 1921 г. Мао по-прежнему держался в стороне от пролетариата. Его социальные связи ограничивались городской молодежью, буржуазной интеллигенцией, мелкобуржуазной средой.

Мао вел активную политическую деятельность в рядах гоминдана. В 1923—1924 гг. он занимал пост секретаря городской организации гоминдана в Шанхае. В 1925—1926 гг. он возглавлял отдел агитпропа ЦК гоминдана, был кандидатом в члены ЦИК гоминдана. В этом могло бы и не быть ничего предосудительного, поскольку сотрудничество с гоминданом являлось в то время официальной линией КПК, однако тесные связи Мао с видными буржуазными политиками не могли не оказывать на него воздействия вследствие его идейной неустойчивости. По сообщению китайских коммунистов, в то время работавших с ним, Мао в середине 20-х годов был выведен из

состава ЦК КПК за слишком большую близость к гоминдану.

Мао Цзэ-дун долгое время не входил в число ведущих деятелей партии. В 20-х годах имя Мао было знакомо в Китае лишь узкому кругу лиц. Его знали преимущественно как общественного деятеля провинции Хунань. Примечательно, что такие известные китайские марксисты того времени, как Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо и другие, не упоминали имени Мао Цзэ-дуна среди крупных партийных руководителей. Неясно даже, присутствовал ли он на первых съездах КПК. Например, Мао сам признавался Э. Сноу, что на II съезде он не был, поскольку «позабыл название места, где должен был состояться съезд». На IV съезд Мао Цзэ-дун не попал из-за болезни. В работе V съезда КПК он участвовал, но без права голоса. На VI съезде КПК в 1928 г., проходившем в Москве, он отсутствовал. А так как теперь пекинская пропаганда любое событие из истории КПК, в котором не участвовал лично Мао, объявляет вредным для дела китайской революции или по меньшей мере не имеющим значения, то подобным образом его оцениваются почти все съезды Компартии Китая. Разумеется, в эту категорию не попадают VII съезд КПК, закрепивший контроль маоистов над партией, ни тем более последний IX съезд, обозначивший новый этап в эволюции маоизма.

Как показывают факты, Мао Цзэ-дун по-настоящему марксизма-ленинизма не изучал. Не зная иностранных языков, он не мог знакомиться с марксистскими работами в первоисточниках, а в годы становления Мао как политического деятеля в Китае было очень мало переведено основных марксистских работ. Например, с философией и политэкономией Мао Цзэ-дун знакомился по популярным брошюрам китайских авторов, нередко содержащим многочисленные ошибки.

Об уровне марксистско-ленинской подготовки Мао Цзэ-дуна свидетельствует такой факт. В начале 1926 г., уже несколько лет будучи членом КПК, Мао опубликовал в журнале «Чжунго циннянь» две статьи: «Различные классы китайского крестьянства и их отношение к китайской революции» и «Анализ различных классов китайского общества», в которых содержится крайняя путаница в важнейших вопросах марксизма, демонстрируется явное неумение применять основные категории

марксизма при анализе социальной структуры общества. Достаточно сказать, что, по Мао Цзэ-дуну, «в любом государстве население подразделяется на пять категорий: крупную, среднюю и мелкую буржуазию, полупролетариат и пролетариат». Затем он прикладывает эту схему к китайской деревне и делает неожиданное заключение, что «крупные помещики будут относиться к крупной буржуазии, мелкие — к средней, самостоятельные крестьяне — к мелкой буржуазии, полуарендаторы — к полупролетариату, а батраки — к пролетариату». (Кстати, первая из этих статей не вошла в четырехтомник избранных произведений Мао Цзэ-дуна, а вторая была включена с большими сокращениями и в совершенно новой редакции под заголовком «О классах китайского общества».)

Советские люди, тесно соприкасавшиеся в 40-х годах с Мао Цзэ-дуном, подтверждают, что и в тот период в его марксистско-ленинском образовании не произошло существенных сдвигов. Советский журналист, работавший в Яньани в 1941—1943 гг., писал: «Многие из товарищей после нескольких встреч с Мао Цзэ-дуном, и даже наблюдая его в течение длительного времени, задавали себе вопрос: кто же такой в конце концов Мао — марксист ли он, коммунист ли он вообще? И очень многие из них, в том числе и китайские товарищи, давали отрицательный ответ на этот вопрос». В комнате Мао совершенно не было книг иностранных авторов, ни одного переводного издания зарубежной художественной литературы. Переводов трудов классиков марксизма-ленинизма было очень немного. «Настольными книгами Мао Цзэ-дуна являлись полный набор китайских энциклопедических словарей, древние трактаты, древняя китайская художественная литература. Из них он и черпал свою мудрость».

В минуты откровенности и сам Мао Цзэ-дун довольно реалистично оценивал уровень своей теоретической подготовки. В статье «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», опубликованной в 1957 г., он признавал: «У меня прежде были различные немарксистские взгляды, марксизм я воспринял позже. Я немного изучил марксизм по книгам и сделал первые шаги в идеологическом перевоспитании, однако перевоспитание все же главным образом происходило в ходе длительной классовой борьбы. Кроме того, мне необходимо и впредь

продолжать учиться, только тогда у меня будет некоторый дальнейший прогресс, в противном случае я отстану». К сожалению, верх у Мао Цзэ-дуна взяла не самокритика, а непомерное самомнение, вера в свою непогрешимость. Сейчас в КНР утверждается, что «идеи Мао Цзэ-дуна» «превзошли» учение Маркса — Ленина.

Впрочем, на деле Мао и его сторонники давно готовили почву для подобных утверждений. Еще в 30—40-х годах они распространяли версию о неприемлемости марксизма для Китая. В начале 40-х годов Мао заявлял, что «марксистско-ленинское учение к китайским условиям неприменимо в силу особой специфичности Китая». В беседах с советскими людьми, находившимися в Яньани, он высказывался в том духе, что «для руководства Китаем необязательно знание теории марксизма-ленинизма».

Мао Цзэ-дун и его сторонники уже тогда начали противопоставлять марксистско-ленинскому учению так называемые «идеи Мао Цзэ-дуна». Прием, с помощью которого была совершена эта подмена, — характерный образчик маоистской тактики как в идеологической, так и в политической борьбе.

Если раньше Мао Цзэ-дун говорил о необходимости изучения опыта Китая в связи с опытом СССР, мирового коммунистического движения, акцентируя внимание, однако, на том, что «революция в Китае и китайская Красная Армия имеют много своего, особого», то в дальнейшем китайский опыт все более отрывается от мирового революционного опыта, противопоставляется ему и догматизируется. Мао Цзэ-дун пытается обосновать особый путь революции в Китае и предпочитает говорить не о «всеобщей истине марксизма», а о «марксизме в национальной форме», т. е. призывает не к творческому применению марксизма-ленинизма, а к созданию национальных, региональных его форм, к пересмотру с этих позиций «общих истин марксизма». При этом Мао Цзэ-дун фактически ревизует основные марксистские принципы и выдает этот «китаизированный марксизм» за «всеобщую истину».

На VII съезде КПК «идеи Мао Цзэ-дуна» были официально объявлены руководящей идеологией Компартии Китая. В докладе об Уставе партии подчеркивалось, что Мао Цзэ-дун «отбросил некоторые устаревшие, не под-

ходившие к условиям конкретной китайской действительности отдельные выводы в теории марксизма и **заменял их новыми положениями и новыми выводами...** Поэтому он смог успешно осуществить эту тяжелую и огромную задачу — китаизацию марксизма». В Уставе КПК, принятом на VII съезде, было записано: «Коммунистическая партия Китая во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэ-дуна...».

Хорошо знавшие Мао Цзэ-дуна люди отмечают, что в нем воплощаются многие типичные черты правителей старого Китая. Он с юншества поклонялся культу великих людей. Прочитав книгу «Великие герои мира», Мао говорил своему другу Сяо Саню (ставшему впоследствии популярным писателем, известным в нашей стране как Эми Сяо): «Нам нужны такие великие люди, как эти. Мы должны изучать их и найти способ для того, чтобы сделать Китай богатым и сильным и избежать судьбы Аннама, Кореи и Индии». Он любил сравнивать себя с китайским императором Лю Баном, который, будучи в молодости простолюдином, поднял восстание и основал новую императорскую династию.

А вот что говорил об отношении Мао к марксизму бывший член Политбюро ЦК КПК Чжан Го-тао, соприкасавшийся с ним почти 20 лет: «В голове Мао Цзэ-дуна одновременно уживаются китайские монархические концепции, марксистско-ленинские идеи и мечты о славе».

По мере возвышения Мао Цзэ-дуна такие черты его характера, как властолюбие и гипертрофированное самомнение, все больше давали знать о себе. Об этом свидетельствуют различные источники. Бывший политический советник революционного правительства Китая, старый большевик М. М. Бородин, имевший в 20-х годах тесные контакты с Мао Цзэ-дуном, отмечал, что Мао «присущ непомерный апломб», что он «считает себя теоретиком, сделавшим самостоятельно ценный вклад в общественную науку». На «патриархальные склонности Мао Цзэ-дуна, его болезненную мнительность, чрезмерное честолюбие и манию величия, возведенную в культ», указывали советские люди, работавшие в Китае в 40-х годах. «Во всех случаях, когда успехи Народно-освободительной армии приписываются его (Мао Цзэ-дуна.— Авт.) гениальности, он бывает доволен,— вспоминал близко общавшийся с Мао советский работник,— и ни разу я не слышал,

чтобы он сказал, что существует ЦК партии и что успехи НОА есть успехи руководства ЦК».

На чрезмерное честолюбие Мао Цзэ-дуна в свое время обращали внимание и китайские коммунисты, не раз критиковавшие его. Еще в 1930 г. в партийных документах прямо говорилось, что Мао Цзэ-дун стремится «осуществить свои мечты о том, чтобы стать императором в партии» (экстренное циркулярное сообщение провинциального исполнительного комитета Цзянси от 15 декабря 1930 г.). Руководящие партийные органы провинции Цзянси, в которой тогда действовал Мао Цзэ-дун, обвиняли его в наполеоновских замашках, в попытке совершить «китайский брюмер» (письмо Цзянси́йского комитета действия, декабрь 1930 г.). Лично знавшие Мао китайские товарищи с тревогой отмечали, что он терпеть не может возражений, считает себя непогрешимым человеком и абсолютным авторитетом, воспитан в духе традиционного повелевания и одержим манией величия. На VI съезде КПК в 1928 г. действия Мао характеризовались как «проявления милитаристской психологии».

Изучая историю Китая, династические хроники, борьбу крестьянских вождей за власть, Мао Цзэ-дун неоднократно сталкивался с тем, как неизвестные прежде люди, подобные Хун Сю-цюаню (руководитель восстания тайпинов в середине XIX века, затем император и «царь небесный» на земле), становились «великими людьми», используя стихийные движения широких масс. По свидетельству Эми Сяо, восстания в провинции Хунань, которые Мао видел с детства, «произвели на него неизгладимое впечатление». **Мао Цзэ-дун делает основную ставку в своей политической деятельности именно на стихийное движение**, тем более что как раз в 20-х годах в Китае все ярче разгоралась уже давно назревшая аграрная революция — крестьянская антифеодалная война.

Постепенно деятельность Мао Цзэ-дуна сосредоточивается почти исключительно в деревне. Он уходит от острых революционных схваток, развернувшихся в городах Китая в 20—30-х годах. Во время «движения 4 мая» 1919 г., которое считается в Китае первым выходом китайского пролетариата как класса на арену политической борьбы, он находился в Хунани. Он был в Хунани и во время «движения 30 мая» 1925 г. (расстрел антиимпериа-

листической демонстрации и всеобщая забастовка в Шанхае). Когда участники Северного похода вышли из провинции Гуандун, он опять же находился в Хунани, на этот раз в качестве инспектора крестьянских союзов.

Мао Цзэ-дун уходит от нелегальной работы по организации революционного движения в городах, оставляя всю ее тяжесть, а также риск, связанный со свирепствовавшим там белым террором, на долю других коммунистов-подпольщиков. Сам же он преследует иные цели — стремится завоевать авторитет руководителя крестьянства.

Весной 1925 г. Мао Цзэ-дун организует крестьянские союзы в хунаньских деревнях, но в конце лета бежит из Хунани в Кантон (Гуанчжоу) под защиту революционного правительства Сунь Ят-сена. Здесь он участвует в работе курсов организаторов крестьянского движения.

Весной 1926 г. Мао работает в крестьянском отделе ЦК КПК. После контрреволюционного переворота Чан Кай-ши в 1927 г. он становится председателем Всекитайского крестьянского союза.

Естественную важную роль крестьянства в освободительной борьбе в такой стране, как Китай, Мао Цзэ-дун гиперболизирует, противопоставляет его другим слоям общества, особенно рабочему классу. В 1927 г. Мао Цзэ-дун выступает с «докладом об обследовании крестьянского движения провинции Хунань», в котором развивает взгляды о чисто крестьянском характере китайской революции. Характерно, что в этом обширном документе, восторженно воспевающим стихийную силу крестьянских масс, нет ни слова о рабочем классе, об исторической роли пролетариата в борьбе за освобождение всех трудящихся. Зато доклад изобилует высказываниями об «исторической миссии крестьян», их «безошибочной интуиции», «могучем революционном порыве» и «неодолимой» силе, о том, что крестьяне «проверяют все революционные партии и группы, всех революционеров, с тем чтобы принять либо отвергнуть их».

Такие же мысли Мао настойчиво развивал в публичных выступлениях и частных беседах. М. М. Бородин отмечал, что Мао Цзэ-дуну «свойствен ошибочный взгляд на крестьянство. Он исходит из внутренней убежденности в превосходстве крестьян над другими классами, из преувеличения революционных возможностей крестьянства,

при одновременной недооценке руководящей роли пролетариата. Эту свою точку зрения Мао Цзэ-дун не раз высказывал в личных беседах...». И далее: «Мао Цзэ-дун явно недооценивал роль пролетариата как инициатора и руководителя китайской революции, вождя китайского крестьянства. Это характерно для выступлений Мао Цзэ-дуна в двадцатые годы, а слушать его в период нахождения в Китае мне довелось не раз».

Мао Цзэ-дун понимал: чтобы стать руководителем стихийного движения, необходимо выступить в роли провозвестника какого-либо близкого трудовому народу учения или идеи.

Через произведения Мао Цзэ-дуна настойчиво проводится мысль, что «деревня — опорная база революции»; «работа в деревне должна играть главенствующую роль в китайском революционном движении, а работа в городе — вспомогательную», что необходимо «подчинить работу в городе работе в деревне», «перенести центр тяжести работы в деревню» и т. д. На VII съезде КПК он прямо заявил: «Можно много читать Маркса, но стоит только забыть слово «крестьянство» — толку мало, бесполезно...»

Ко времени выхода Мао на арену политической деятельности в развитии человечества произошел всемирно-исторический поворот — в России победила Октябрьская революция, доказавшая непреодолимую силу марксистско-ленинского учения о преобразовании общества. Октябрьская революция пользовалась громадной популярностью среди китайского народа. Мао, убедившись в этом, примкнул к марксизму, принял участие в I съезде Компартии Китая. Однако последующие события, «китаизация» Мао Цзэ-дуном марксизма, а затем и окончательная подмена его так называемыми «идеями Мао Цзэ-дуна» в ходе «культурной революции», показали, что знамя Октябрьской революции, знамя марксистско-ленинизма, знамя социализма нужно было ему главным образом для того, чтобы использовать объективно развивавшуюся в Китае антиимпериалистическую, антифеодальную революцию для реализации собственных корыстных целей.

**БОРЬБА МАО ЦЗЭ-ДУНА
ЗА БЕЗРАЗДЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД
АРМИЕЙ И ПАРТИЕЙ**

Борьба, которую Мао Цзэ-дун длительное время вел внутри КПК, увенчалась ныне политическим переворотом, проведенным под флагом «культурной революции», и установлением режима военно-бюрократической диктатуры. Таков закономерный финал реализации националистических, авантюристических взглядов Мао Цзэ-дуна.

В этой связи особый интерес приобретают материалы о положении в КПК в 30—40-х годах. Проанализировать их особенно важно потому, что методы и формы, применяемые сейчас в КНР Мао Цзэ-дуном и его окружением, во многом идентичны тем, которые использовались в то время.

В исторических исследованиях, опубликованных в Китае, всячески превозносятся заслуги Мао в той острой внутренней борьбе со всякого рода уклонистами и правыми ренегатами, которая шла в Компартии Китая. Действительно, Мао активно участвовал в этой борьбе. Но он и его ближайшие сторонники использовали ее в своих целях. Более того, Мао разделял многие из тех взглядов, с носителями которых он боролся. Даже в то время, размахивая знаменем марксизма, он не порывал со своими мелкобуржуазными и националистическими воззрениями, хотя и тщательно маскировал их марксистской фразеологией.

По свидетельству различных источников, Мао Цзэ-дун всегда был ловким тактиком, старавшимся действовать чужими руками. Руководящие партийные органы провинции Цзянси дали Мао такую характеристику: «Мао Цзэ-дун является хитрым политиканом. Поэтому он и внутри партии не бросал своего старого искусства... Он устраивал интриги внутри партии, склоки между товарищами, и это являлось его излюбленным и обычным приемом. Он мечтал создать свою личную клику и разрушить партийную организацию» (письмо Цзянсийского комитета действия КПК в адрес Комитета действия Юго-Восточной Хунани от 25 декабря 1930 г.).

Китайские коммунисты характеризовали Мао как человека с «дурным характером» и любящего «разводить склоку».

«Метод интриг и сталкивания отдельных руководящих деятелей между собой,— отмечали они,— это давняя тактика Мао Цзэ-дуна».

Советский работник, близко общавшийся с Мао в 40-х годах, отмечал, что его поведению присуща «доля театральности», писал об умении Мао Цзэ-дуна быть «вежливым... на словах и крайне непостоянным на деле». Мао считал это качество особенностью китайской нации и неоднократно советовал «помнить об этом и освоить эту особенность».

Другая характерная черта Мао Цзэ-дуна — жестокость в борьбе с политическими противниками. В «докладе об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» Мао под лозунгом «революция — это не званый обед» призывал к «беспощадным действиям», утверждал, что «в каждой деревне необходим кратковременный период террора», и писал в этой связи: «Чтобы выпрямить, надо перегнуть; не перегнешь — не выпрямишь».

Для характеристики личных качеств Мао показательным, что в стремлении подчинить себе все и вся он не щадит даже своих самых близких людей и верных сторонников. Мао Ань-ин, старший сын Мао Цзэ-дуна от второй жены, учился в СССР и в 1946 г. возвратился в Яньань. Мао Цзэ-дуна раздражали его знания, полученные в Советском Союзе, и вскоре он отправил сына в деревню к кулаку, для «изучения жизни» Китая. Вернувшись в июне 1948 г. из деревни, Мао Ань-ин продолжал диспуты с отцом по теоретическим вопросам. После очередной дискуссии Мао Ань-ин назвал его «лжевождем», обвинил в создании «культа вождя». Цзян Цин, слышавшая это, немедленно донесла на пасынка Мао Цзэ-дуну. Последовало целое разбирательство. Мао Ань-ина заставили дать письменное объяснение и очернить свое пребывание в СССР. После этого инцидента Мао Ань-ину было запрещено появляться на территории ЦК КПК без особого разрешения. Сам он доверительно говорил, что мог ожидать любых санкций со стороны отца, вплоть до «случайного» убийства. В 1950 г. Мао Ань-ин в составе китайских добровольцев отправился в Корею, где он вскоре погиб при неясных обстоятельствах.

После поражения первой революционной волны в 1927 г. и разгрома революционных сил в городах остро встал вопрос о создании революционных баз, опираю-

щихся на продолжавшее развиваться крестьянское движение. Такие базы появились в различных частях страны. Мао Цзэ-дун использовал эту обстановку для того, чтобы по примеру предводителей крестьянских восстаний прошлого создать вооруженные отряды, находившиеся под его личным контролем. Сколотив такой отряд, он отсиживался в горах Цзинганшань, в то время как вокруг народ с оружием в руках героически сражался с врагами революции.

Китайская официальная историография хранит молчание относительно деятельности Мао Цзэ-дуна на Цзинганшане в качестве партийного руководителя. Однако из доклада и прений в военном отделе ЦК КПК в феврале 1929 г. по вопросу о крестьянской партизанской войне известно, что в районах, находившихся под контролем отрядов Мао Цзэ-дуна, «Красная армия совершенно заменила массовые организации и местные партийные комитеты», что «в большинстве мест массы вступают в нее не из-за своих насущных интересов, а из-за боязни Красной армии», что «военная дисциплина вытеснила партийную. Зачастую расстрел является наказанием товарищей, совершивших ошибки». Уже в те годы насильственно насаждался культ личности Мао, крестьян вынуждали молиться перед его портретом.

Ряд ораторов, выступавших в июле 1928 г. на VI съезде КПК, характеризовали войска Мао как «летучие армии», которые «носят отчасти бандитский характер». ЦК КПК в одном из писем Мао Цзэ-дуну в 1928 г. среди других его ошибок и недостатков указывал и на то, что «не уделялось большого внимания развитию и мобилизации масс для осуществления аграрной революции», на «увлечение чисто военными действиями», на отсутствие связи с «партизанской войной широких крестьянских масс», на «военный авантюризм и бродяжничество», на «политику бесцельных и беспорядочных погромов и убийств».

Положение Мао Цзэ-дуна как единоличного руководителя Освобожденного района в Цзинганшани осложнилось после того, как в 1928 г. туда пришли войска Чжу Дэ (в составе войск Чжу Дэ находился Линь Бяо, командовавший ротой; Мао способствовал его быстрому продвижению, и в 1930 г. Линь Бяо уже командовал корпусом Красной армии). К тому времени Чжу Дэ приобрел в

Китае широкую известность как руководитель революционных частей, пользовался большим авторитетом среди населения. Мао Цзэ-дуну пришлось считаться с этим: Чжу Дэ стал командующим 4-м корпусом Красной армии, сформированным из объединенных отрядов, а Мао — политическим комиссаром.

В январе 1929 г. войска, возглавлявшиеся Чжу Дэ и Мао, покинули Цзинганшань и затем пробились в г. Жуйцзинь, который стал центром нового освобожденного района, известного под названием Центральной революционной базы. Здесь Мао Цзэ-дун предпринимает решительные меры для того, чтобы отодвинуть Чжу Дэ на второй план. Китайские коммунисты писали в то время: «...Мао хочет сосредоточить власть в своих руках... Мао не упускает случая обрушиться на Чжу с критикой и делает это на всех собраниях... старается... окончательно подорвать престиж Чжу Дэ...»

Намерения Мао Цзэ-дуна явно состояли в том, чтобы укрепить свое влияние в армии и затем использовать ее для установления контроля над партией. Избрание именно этого пути объясняется тем, что в 20—30-х годах авторитет Мао в КПК как партийного деятеля был невелик, он длительное время находился в стороне от руководящей партийной работы. Когда же Мао Цзэ-дун стал активно проявлять себя как военный и партийный руководитель, это вызывало лишь отрицательную для него реакцию со стороны коммунистов. В партийных документах того времени говорилось, что «Мао Цзэ-дун хочет сосредоточить всю власть в своих руках», «что масса все же недовольна Мао Цзэ-дуном», отмечались его отрицательные стороны: отсутствие популярности в массах и «маневрирование в партии». Мао обвиняли в том, что он «в процессе развернувшейся классовой решительной борьбы, с одной стороны, подвергся правым колебаниям, а с другой — разработал коварный план, с тем чтобы погубить товарищей по партии», что «он становится стопроцентным правым оппортунистом и преступником в развернувшейся классовой борьбе. Мао Цзэ-дун стремится осуществить свои правооппортунистические идеи, свои дезертирские идеи и другие грязные и бесстыдные цели».

Уже в те годы Мао Цзэ-дун характеризуется как «весьма хитрый и коварный человек с чрезвычайно раз-

витым индивидуализмом... В отношении товарищей он обыкновенно действует в приказном порядке и при помощи угроз, применяя систему наказаний... Что касается воспитания кадров, то он придерживался фракционных взглядов и на основе дружеских отношений создавал свою группировку как удобное для использования оружие. В общем Мао Цзэ-дун... не только не проявил себя как революционный вождь, но не являлся даже пролетарским бойцом-большевиком. Мао Цзэ-дун был правым оппортунистом... разрушителем партийной организации... Он безусловно является ренегатом коммунистической партии». Так оценивали китайские коммунисты деятельность Мао Цзэ-дуна еще в 1930 г.

Сосредоточив в своих руках власть в районе Центральной революционной базы, Мао Цзэ-дун игнорирует ЦК КПК, который находился тогда в Шанхае. «Мао Цзэ-дун издавна был против ЦК,—отмечалось в партийных документах.—Неоднократные указания (ЦК)... он отвергал и умышленно не выполнял их. Из полученных циркуляров ЦК он очень немногие перепечатывал и распространял среди низовых организаций. С работниками, командированными центром, он не считался и, кроме того, умышленно чинил им всякие препятствия... ЦК неоднократно присылал письма о переводе Мао Цзэ-дуна на другую работу, но он с ними не считался».

Характерен, например, такой факт, о котором рассказывает в своем письме в ЦК КПК один из китайских армейских коммунистов: «1 августа (1930 г.) из ЦК пришло письмо, в котором объявлялось, что председателем временного китайского рабоче-крестьянского революционного правительства является тов. Сян Чжун-фа (генеральный секретарь ЦК КПК, избранный на VI съезде партии.— Авт.). Но Мао Цзэ-дун по-прежнему издавал приказы за подписью председателя китайского рабоче-крестьянского революционного комитета Мао Цзэ-дуна».

В борьбе против коммунистов, не согласных с ним, Мао Цзэ-дун не останавливался даже перед их физическим уничтожением. В этой связи обращают на себя внимание события, разыгравшиеся в декабре 1930 г. в г. Фучяни, когда по приказу Мао Цзэ-дуна верные ему войска разгромили партийные, советские и комсомольские орга-

низации провинции Цзянси и подвергли жестоким репрессиям их руководителей.

Вот некоторые подробности этих преступных действий Мао и его подручных, всплывшие на поверхность лишь спустя много лет.

3 декабря 1930 г. Мао Цзэ-дун присваивает руководимому им Центральному фронтовому комитету диктаторские права. «Отныне,— говорилось в его приказе,— всеми военными, а также политическими и партийными делами ведает Центральный фронтовой комитет, объединяющий в себе все руководство». Он объявляет вне закона Цзянсийский провинциальный комитет партии и назначает на 8 декабря в г. Футяни экстренную партконференцию. В ночь на 7 декабря, когда делегаты съехались в Футянь, в город входит рота солдат под командой одного из преданных Мао Цзэ-дуну людей и арестовывает делегатов и партком провинции Цзянси, комитет комсомола, руководителей органов Советской власти провинции — всего 120 человек. В оправдание этих арестов распространяются слухи о принадлежности арестованных к контрреволюционной организации антибольшевиков («АБ-союз»)¹.

В одном из описаний того, что происходило в г. Футяни, говорится: «Последовали пытки с помощью керосина, тлеющих фитилей и т. п... Если же во время допроса и пыток не добивались признания, то пытки усиливались... ногти у товарищей оказались сломанными, все тело обожжено... слышались непрерывные вопли истязаемых... Были арестованы также их жены, в частности жена т. Бай Фаня (секретарь Цзянсийского комитета КПК); арестованных связали, раздели донога и пытали; били острыми предметами по рукам, вырезали груди, прижигали половые органы... Увели на казнь 50 человек... некоторые товарищи даже не подвергались допросу...»

25 декабря 1930 года Цзянсийский комитет действия писал: «Мао Цзэ-дун, желая сохранить свое положение, замыслил физически уничтожить руководящие кадры партии и союза молодежи провинции Цзянси и создать партию, носящую исключительно окраску маоцзэдунов-

¹ «Антибольшевистский союз» — контрреволюционная организация китайских помещиков, кулаков и т. п., боровшаяся против китайских коммунистов и Красной армии.

ской группировки, с тем чтобы использовать ее в качестве орудия для борьбы против ЦК. События 7 числа разыгрались во имя осуществления этих замыслов Мао Цзэ-дуна».

Позже Мао Цзэ-дун косвенно признавал свою причастность к жестокостям того времени. «Еще в 1930 г. в Красной армии широко использовались побои при допросах,— рассказывал он в 1956 г.— Я в то время сам был свидетелем того, как избивали обвиняемых».

Вообще многие стороны истории КПК этого периода остаются неизученными и ждут выяснения. Неизвестны, в частности, подлинные обстоятельства крупных провалов в Шанхае в 30-х годах, в результате которых погибли многие руководящие деятели, члены Центрального Комитета Компартии Китая. Кстати, вопросами безопасности в ЦК КПК в то время ведал Кан Шэн, один из главных организаторов нынешней «культурной революции», непосредственно направлявший погромы партийных кадров и организаций.

В ноябре 1931 г. Мао Цзэ-дун проводит в Жуйцзине I Всекитайский съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и становится председателем ЦИК и одновременно председателем Совнаркома Центрального рабоче-крестьянского демократического правительства. Тем самым он стремится создать себе опору в органах Советской власти в противовес ЦК партии, находившемуся вне Центральной базы.

В это время обострились отношения Мао с Чжоу Эн-лаем, который был одной из видных фигур в КПК. ЦК КПК все еще находился в Шанхае и фактически не мог оказать на положение дел в Центральной революционной базе существенного влияния. В Жуйцзине было образовано Бюро ЦК КПК по Центральной революционной базе, секретарем которого ЦК назначил Чжоу Эн-лая, что было воспринято Мао Цзэ-дуном крайне болезненно. Между ними разгорелась острая борьба. На состоявшемся в августе 1932 г. совещании ЦК КПК в Нинду большинство не поддержало Мао, и он был отстранен от руководства военными и политическими делами в Центральном районе.

В 1931 г. во время провалов в Шанхае был арестован, а затем казнен генеральный секретарь ЦК КПК Сян Чжун-фа. Тогда же создается временный ЦК партии во

главе с Бо Гу, Ван Мином и Чжан Вэнь-тянем. Однако последовал новый разгром гоминдановской охранкой ЦК КПК, остатки которого перебрались в Освобожденный район.

Перемещение ЦК партии на территорию Центральной революционной базы обострило внутрипартийную борьбу и заставило Мао Цзэ-дуна отложить на время реализацию замыслов возвышения собственной личности. Положение еще более осложнилось в связи с тем, что в этот период гоминдановцы предпринимают пять походов на «красные районы». В результате последнего из них Красная армия и КПК потерпели тяжелые поражения. Гоминдановцы захватили опорные базы в Центральном и Южном Китае. Красная армия была вынуждена начать отступление. Это отступление, которое в официальной китайской историографии получило название «Великого похода», продолжалось год и завершилось тем, что остатки частей китайской Красной армии оказались в глухих районах Северо-Западного Китая.

Главная причина этих поражений заключалась в неправильной политике Мао Цзэ-дуна как в аграрном вопросе, так и в военных делах. В результате хозяйничанья маоистов в Освобожденном районе ослабла поддержка Красной армии местным населением, а тактические концепции Мао Цзэ-дуна подрывали ее способность к сопротивлению.

Когда началось отступление, Мао Цзэ-дун, оставаясь членом Политбюро ЦК КПК и председателем ЦИК Китайской советской республики, безучастно наблюдал, как на его глазах гибла китайская Красная армия, уничтожались завоевания революционного движения. По его же словам, в этот период «китайская Красная армия, состоявшая из 300 000 бойцов, сократилась до 25 000; территория, входившая в советские районы Китая, сократилась на 99%; организации КПК в городах были разгромлены гоминданом, а количество членов КПК с 300 000 человек сократилось до 26 000 человек». Знаменательно, что нет никаких сведений ни об одном выступлении Мао Цзэ-дуна в этот тяжелейший период по вопросам партийного и военного руководства. Есть основания считать, что Мао отмалчивался намеренно, рассчитывая впоследствии обвинить в неудачах китайской Красной армии Коминтерн и близких к нему руководителей КПК. Так оно и

произошло: позднее Мао задним числом изобразил себя «спасителем» партии.

Мао выжидал удобного момента. И такой момент наступил, когда осталась двенадцатая часть прежнего состава членов КПК и количества бойцов в китайской Красной армии, когда руководимые коммунистами войска оказались в отдаленных районах, лишенными всякой связи с главными пролетарскими центрами страны, когда цепь непрерывных поражений дискредитировала прежнее руководство Красной армии.

В январе 1935 г. в местечке Цзуньи Мао Цзэ-дун собрал совещание, ставшее поворотным пунктом в истории КПК.

Нынешняя китайская официальная оценка этого события гласит: «Совещание в Цзуньи положило конец господству в Центральном Комитете «левого» уклона, и особенно ошибкам «левых» оппортунистов в военных вопросах, оно поставило у руководства партии и Центрального Комитета товарища Мао Цзэ-дуна. Таким образом, в самый напряженный и исключительно трудный момент Великого похода партия сохранила и закалила костяк Красной армии и вывела из критического положения партию и дело революции». Китайская историография утверждает, будто «с этого времени было навсегда покончено с господством оппортунизма в Центральном Комитете партии».

По дошедшим до нас свидетельствам (в частности, в июне 1969 г. издающаяся в ГДР еженедельная газета «Горизонт» поместила статьи участника «Великого похода» и совещания в Цзуньи немецкого коммуниста О. Брауна), это совещание, которое в китайской пропаганде фигурирует как «расширенное заседание Политбюро ЦК КПК», было необычным. По существу, на нем все решали 30—35 военных работников из частей, находившихся под контролем Мао.

Голосования ни по резолюции, ни по организационным вопросам не проводилось. Было просто объявлено о преобразовании Секретариата ЦК, и Мао Цзэ-дун, который ранее занимал посты председателя Революционного правительства и Революционного военного совета Красной армии, практически стал во главе Компартии Китая.

**БОРЬБА МАОИСТОВ
ПРОТИВ КОММУНИСТОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
В КПК**

В октябре 1935 г. уцелевшие части Красной армии вышли к революционной опорной базе в Северо-Западном Китае, которая была создана партизанским движением под руководством народного героя Лю Чжи-дани и видного китайского коммуниста Гао Гана. Здесь был основан Освобожденный район с центром в Яньани.

О яньанском периоде в Китае написано много книг, но в них не найдешь даже упоминания о том, что Мао Цзэ-дун использовал свое более чем 10-летнее пребывание в Яньани для завершения борьбы за установление безраздельного личного контроля в партии. В этой борьбе решающую роль сыграло так называемое «движение за упорядочение стиля работы», существо которого заключалось в том, чтобы силой навязать всей партии «идеи Мао Цзэ-дуна» как руководящую идеологию.

В конце 1937 — начале 1938 г. в Яньань из Москвы прибыли тов. Ван Мин (Чэнь Шао-юй) и другие китайские коммунисты, учившиеся в СССР и работавшие в Коминтерне, для усиления руководства КПК в связи с проведением тактики единого фронта в войне против Японии. Тов. Ван Мин выступил в ЦК КПК с докладом, который был встречен всеми членами Центрального Комитета одобritельно. Мао Цзэ-дун выразил свое неудовлетворение тактикой единого фронта, но, видя настроения большинства, голосовал «за».

В лице Ван Мина и других приехавших из Москвы товарищей, за которыми стоял авторитет Коминтерна, Мао Цзэ-дун столкнулся с серьезным препятствием. Поэтому он сосредоточивает огонь на Ван Мине и так называемой «московской группе». По этой линии и прошло размежевание руководства КПК на сторонников и противников Мао.

Руководство Компартии Китая разделилось на две группировки: одна — тов. Ван Мин с «московской группой», находившиеся в 1938—1940 гг. в Ханькоу в качестве представителей КПК при гоминдане и получившие от Мао Цзэ-дуна ярлык «догматики» за их верность позициям Коминтерна; другая — в Яньани во главе с Мао.

Политика тов. Ван Мина и его сторонников состояла в последовательном проведении линии на создание единого фронта с гоминданом и осуществление активных военных действий против японской армии. Такой курс отвечал в тот момент интернациональным задачам международного коммунистического движения. Мао Цзэ-дун, напротив, саботировал эту линию Коминтерна, стремился свести на нет активные действия против японцев, а все силы сохранить для продолжения войны против гоминдана. Тем самым он на деле облегчал японским захватчикам оккупацию Китая, которая несла населению неисчислимые кровавые жертвы, срывал политику единого фронта.

В самой яньаньской группе не было единства. Члены Политбюро Чжу Дэ и Линь Бо-щюй, оставаясь в Яньани, идейно примыкали к «догматикам». Существовала группировка и так называемых «эмпириков», члены которой придерживались в основном одной с «догматиками» позиции, с той лишь разницей, что они менее решительно выступали против Мао. К ней относили Чжоу Энь-лая, Пын Дэ-хуая, Не Жун-чжэня, Е Цзянь-ина, Лю Бо-чэна и других.

Мао Цзэ-дун и здесь остался верен себе: он вносил раскол в ряды своих политических противников, поддерживал одних против других, сталкивал их между собой. И так до тех пор, пока силы участников борьбы не иссякали, и они либо сходили с политической сцены, либо превращались в послушное орудие в его руках.

К началу 1941 г. в Яньань прибыл Кан Шэн, который сразу же примкнул к Мао Цзэ-дуну и резко обрушился на коммунистов-интернационалистов. Вскоре при поддержке Мао он занял пост начальника разведки и контрразведки Особого района. Кан Шэн стал правой рукой Мао Цзэ-дуна в ликвидации его противников, ориентировавшихся на Коминтерн и дружбу с Советским Союзом.

Осенью 1941 г., т. е. именно в тот момент, когда внимание Коминтерна, нашей партии было сосредоточено на борьбе против фашистской агрессии, а Советский Союз переживал наиболее тяжелое время в Отечественной войне, группа Мао Цзэ-дуна начала так называемую «кампанию за упорядочение стиля работы», которая, по оценке советских людей, работавших в то время в Янь-

ани, завершилась «поголовным избием кадров на почве повальной шпиономании, инспирированной аппаратом Кан Шэна».

Тов. Ван Мин, много лет входивший в руководство КПК, пишет по поводу этой кампании в своей работе «О событиях в Китае»: «В ее подготовке и в ходе ее проведения Мао Цзэ-дун сам неоднократно говорил о том, что путем проведения этой кампании он хотел достигнуть трех целей: 1) заменить ленинизм маоцзэ-дунизмом; 2) написать историю КПК как историю одного Мао Цзэ-дуна; 3) возвысить личность Мао Цзэ-дуна над ЦК и всей партией. Зачем ему нужно было так делать? Он сам отвечал: это дало бы ему две возможности: во-первых, захватить главное руководящее место в партийном руководстве и всю власть в партии в свои руки; во-вторых, если он уже сидит на первом месте в руководстве партией, то чтобы никогда и никто не смог его свергнуть».

Для того чтобы достигнуть вышеуказанных целей, он в этой кампании делал следующее: 1) объявил ленинизм русским марксизмом, годным только для руководства русской революцией и негодным для руководства мировой и китайской революцией; 2) объявил руководство и помощь Коминтерна КПК целиком неправильными; 3) объявил всестороннюю поддержку ВКП(б) и Советского Союза КПК и китайской революции не только «недействительной», «неэффективной», но и даже «вредной»; 4) предъявил обвинение партии в «непризнании маоцзэ-дунизма» и в «верности ленинизму и Коминтерну», в «приверженности ВКП(б) и Советскому Союзу».

«Когда читаешь произведения Мао и партийные документы об этом движении, — вспоминает советский работник — очевидец этих событий, — то несведущему человеку в глаза ничего особенного не бросается. Но живым свидетелям того, как это происходило на самом деле, эта история представляется самой неприглядной, а по целям и замыслам ее авторов партийно бесчестной».

«Идеологическая база» под эту кампанию была подведена в речи Мао Цзэ-дуна в Яньаньской партшколе. Вот как рассказывают о ней и ее последствиях советские очевидцы: «Речь свою Мао начал довольно складно, и мы ее воспринимали относительно легко, все было к месту, все было понятно. Но дальше стало твориться что-то

невероятное: Мао стал внезапно переходить от одной темы к другой и без логической связи одного с другим делал резкие выпады против каких-то невидимых и неосознаваемых врагов — сектантов, догматиков, эмпиристов, субъективистов, — точно в зале сидели не коммунисты, а какие-то полумифические греки-философы, — ведь он не назвал тогда ни одной фамилии из этих страшных, по его словам, врагов партии. Чем дальше он неистовствовал в своих словосплетениях, тем речь его становилась все путаннее и бессвязнее... Много нам приходилось наблюдать непонятного в жизни Особого района, мы бы и это событие отнесли к разряду непонятных и вскоре бы забыли о нем, но дело повернулось иначе. Вскоре все поголовно в Яньани бурно включились в изучение непонятой нами до конца речи Мао... Люди продолжали носиться с ней с утра до ночи и выучивали текст буквально наизусть; проводились собрания, митинги — и все об одном и том же... Вдруг в Яньани все чаще и чаще начали арестовывать гоминдановских шпионов. Раньше тоже случалось подобное... но теперь это стало повторяться с нарастающей быстротой и приобретало угрожающий характер».

«Движение за упорядочение стиля» подразделялось на три этапа или периода. Первый, длившийся с осени 1941 г. до весны 1942 г., состоял в «изучении 22-х документов», которые включали в основном речи Мао Цзэ-дуна, Кан Шэна и других сторонников Мао. На этом этапе ставилась цель доказать, что Мао Цзэ-дун является «великим теоретиком» и «основоположником новых идей».

Второй период, длившийся с весны 1942 г. до весны 1943 г., был посвящен «идеологической проверке кадров», а по сути дела — жесточайшей расправе с неугодными Мао партийными работниками. Ту же цель преследовали продолжавшиеся с марта 1943 г. вплоть до VII съезда (1945 г.) «кампания по выявлению шпионов» и чистка партии.

Как явствует из содержания и характера первого этапа, его главная задача состояла в том, чтобы внедрить в сознание членов КПК тезис об «идеях Мао Цзэ-дуна» как господствующей идеологии партии, подменить марксистско-ленинское учение этими «идеями». Во второй и третий периоды этой кампании (вернее, поголов-

ной чистки) в партии и Освобожденном районе в целом создавались обстановка психологического террора и условия для устранения (вплоть до физической ликвидации) лиц, не согласных с Мао Цзэ-дунем и его группировкой.

В ходе этой многолетней кампании террора и физического насилия Мао Цзэ-дун и его сторонники расправлялись со всеми, кто проявлял малейшее несогласие с их политикой и взглядами. Центральной мишенью и основными жертвами репрессий стали носители марксистско-ленинских взглядов, коммунисты-интернационалисты. Члены КПК подвергались бесцеремонному идеологическому давлению, их принуждали выступать с клятвой верности Мао Цзэ-дуну и его «идеям». Тем, кто сопротивлялся или колебался, грозили обвинения в «контрреволюционной деятельности».

Как вспоминает в своей брошюре «О событиях в Китае» Ван Мин, «Мао Цзэ-дун искусственно разделил всю партию на две «группировки» — «догматическую» и «эмпирическую» — и в то же время объединил их в единый объект своего удара. Он отнес всех коммунистов, учившихся в Советском Союзе, тех, кто занимался идеологической и политической работой, а также тех, кто по своему социальному происхождению принадлежал к интеллигенции, к так называемой «просоветской и догматической группировке Ван Мина». Всех тех коммунистов, занимавшихся практической работой и происходивших из рабочих и крестьян, он причислял к так называемой «эмпирической группировке». Вместе с тем он объявил, что эмпирическая группировка является «пленником и помощником» догматической группировки».

В своих корыстных антипартийных интересах Мао Цзэ-дун использовал роспуск Коминтерна. При обсуждении этого вопроса Мао заявил: «Марксизм нужен, но он должен быть приспособлен к китайским национальным условиям. Необходимо бороться за национальный характер КПК... В КПК есть люди, которые не слушались ЦК КПК, а слушались только ИККИ. Эта часть людей может поставить себя вне партии». Имена при этом не были названы, но присутствовавшие понимали, что Мао имел в виду так называемую «московскую группу».

Советские работники, находившиеся тогда в Яньани, рассказывали, что после роспуска Коминтерна «Мао и

его сторонники облегченно вздохнули. Теперь руки развязаны. Даже не будет места чувству моральной ответственности. Это особенно ярко подтверждается заявлением Мао на этом же заседании Политбюро — «Вот теперь можно и провести партийный съезд». Предполагают, что в отношении «ослушников» (группа «москвичей» — Ван Мин и другие) пресс будет закручен до отказа».

Любопытно, что гоминдан в мае 1943 г. дал следующий прогноз: «Неизбежно усиление противоречий в существующем руководстве. Интернациональная группировка КПК ослабнет, усилится группировка Мао Цзэ-дуна, которая поведет по пути китаизации...»

Массовые репрессии против тех, кто не поддерживал Мао Цзэ-дуна, проводились в форме «кампании по выявлению шпионов», начавшейся в марте 1943 г. В Яньани была организована «ударная работа по ловле шпионов», сопровождавшаяся повсеместными собраниями, на которых выступали сторонники Мао с угрозами, требованиями признаний в «антипартийной деятельности» и раскаяния. Вот пример. В марте 1943 г. в Яньани, в зале заседаний ЦК КПК, проходил городской партийный актив, свидетелями которого оказались несколько советских коммунистов. В собрании участвовало около тысячи человек. В президиуме находились Кан Шэн и другие сторонники Мао Цзэ-дуна. Сначала выступили 12 «шпионов», которые публично «раскаялись» в своих грехах. Затем слово взял Кан Шэн. Он заявил, что уже выявлено несколько сот гоминдановских агентов, но это лишь небольшая часть шпионов, действующих в районе, и даже «среди присутствующих на собрании также имеется большой процент шпионов». Всем «связанным с гоминдановской разведкой» предлагалось немедленно признаться — в этом случае им было обещано прощение.

Из речи Кан Шэна явствовало, что в его руках — большая власть и всякий, кто посмеет выразить недовольство этим, будет жестоко наказан. Среди участников собрания находились специальные люди, следившие за реакцией присутствовавших. Многих брали на заметку как подозрительных. Речь Кан Шэна оказала терроризирующее воздействие на участников собрания. Это впечатление не сняло и выступление Чжу Дэ, для которого такая направленность собрания оказалась неожиданной (хотя

он и входил в то время в состав Политбюро ЦК КПК) и который высказался против незаслуженного оскорбления коммунистов.

«Вскоре после этого собрания,— рассказывали советские люди,— количество выявленных шпионов начало возрастать и выражалось в тысячах... Город Яньань был объявлен на осадном положении. Все учреждения и учебные заведения были обнесены заборами, в воротах поставлены часовые... Женатые лишились возможности встречаться со своими женами. Разговоры наедине двух человек стали большой опасностью».

«Шпионов» выявлялось все больше и больше, их перестали арестовывать, так как не хватало помещений, где их можно было бы держать в заключении. Стало известно, что в аппарате самого Кан Шэна «разоблачено» до 80 процентов общего числа сотрудников, в центральном госпитале — 90 процентов, в других учреждениях — до 100 процентов.

Вот описание одного из способов пытки, изобретенного Кан Шэном. Подозреваемого «шпиона» отводили в горы (все происходило на месте, в пещерах, где жили) и предъявляли обвинение. Обвиняемый, естественно, не признавался, так как действительно был невиновен. Ему снова и снова повторяли обвинение, он упорствовал, допрос продолжался; темнело — одних допрашивающих сменяли другие, наступало утро — следующая смена. Более трех суток человек без сна не выдерживал и признавался во всем, в чем его обвиняли.

Одновременно с «выявлением шпионов» и по аналогичной методике проводилось выявление лиц, идейно не согласных с Мао и его группой. Это делалось в ходе так называемой «кампании раскаяния». Очевидцы рассказывали: «Исключительно жестокий режим, установленный руководством КПК, подавляет всякую внутрипартийную демократию. Систематически проводятся кампании «раскаяния» членов партии на партийных собраниях. Председательствующий на собрании или кто-либо из числа лиц, близких к руководству, заявляет, что среди присутствующих на собрании имеется 40—50 человек сторонников гоминдана и что эти люди уже известны руководству КПК, но для них будет лучше, если они сами в этом признаются. Всех, у кого на лице было замечено недоумение, после собрания арестовывали, и им учиняли спе-

циальный допрос. Многие из этих лиц, чтобы сохранить себе жизнь, предпочитали «раскаяться». После этого их освобождали, давали им усиленную порцию риса, и их жизнь нормализовывалась».

Репрессиям и шельмованию подвергались как рядовые коммунисты, так и многие лидеры КПК. В то время к «правооппортунистической и капитулянтской» группе были причислены Бо Гу, Чжан Вэнь-тянь и другие. Им предъявили обвинение в «догматическом отношении к русскому (!) марксизму» и потребовали «вооружиться китайским марксизмом».

Мао Цзэ-дун и его сторонники вынуждали руководящих деятелей КПК и рядовых коммунистов составлять письменные документы с признаниями своих «грехов». В первую очередь организаторы этого «движения» добились от обвиняемых разного рода клеветнических высказываний по адресу КПСС и Советского Союза. Другой непременной частью «покаяний» было безудержное восхваление Мао Цзэ-дуна и самобичевание за поддержку взглядов и установок Коминтерна. Подсобные «воспитательные методы» были призваны подорвать у китайских коммунистов веру в подлинный марксизм и пролетарский интернационализм.

Заставляя «кающихся» чернить не только себя, но и своих товарищей, Мао Цзэ-дун создал такую обстановку, когда в партии оказались опорооченными или взятыми на подозрение почти все руководители, кроме самого Мао и нескольких лиц из его ближайшего окружения. Именно так складывалась репутация Мао Цзэ-дуна как непререкаемого авторитета, «непогрешимого вождя».

По свидетельству Ван Мина, «абсолютному большинству руководящих деятелей, кадровых работников, членов партии Мао Цзэ-дун также наносил в различной степени удары». Кроме него самого и его тогдашнего «самого близкого союзника и соратника» Лю Шао-ци и некоторых так называемых «прирожденных маоцзэдунистов», всех руководителей и кадровых работников характеризовали как «элементы, подозреваемые в контрреволюции», а все партийные организации в гоминдановских районах были оклеветаны как «контрреволюционные организации, которые под прикрытием красного знамени действуют против красного знамени». «Применив всевозможные методы обмана и клеветы,— пишет Ван Мин,—

угроз и насилия, он заставил всех их признать себя либо догматиками, либо эмпиристами, то есть «пленниками и помощниками догматиков», и, конечно, всех без исключения проводниками вышеупомянутых так называемых «левой» и «правой» линий Ван Мина. Кроме того, такими же методами, жестокими пытками он заставил значительную часть коммунистов и комсомольцев признать себя «предателями», «контрреволюционерами» и «шпионами гоминдана, империалистов и Советского Союза». Многие из тех, кто не признавал себя подобными преступниками, были арестованы, или убиты, или совершили самоубийство. Так дело продолжалось в течение более чем трех лет».

Когда нажим, уговоры, запугивание не давали эффекта, организаторы «движения за упорядочение стиля» не останавливались перед применением самых варварских средств для устранения своих идейных противников. Ван Мин в брошюре «О событиях в Китае» упоминает, что в то время он был тяжело отравлен ядовитыми препаратами.

Репрессии, проводившиеся Мао Цзэ-дуном и его сторонниками в период «движения за упорядочение стиля работы», нанесли Компартии Китая тяжелый ущерб. По некоторым подсчетам, Кан Шэн и его аппарат в те годы уничтожили несколько сот тысяч человек. Практически во время этой кампании были истреблены или морально сломлены наиболее закаленные революционные кадры КПК.

Китайские руководители в беседах с П. Ф. Юдиным, находившимся в КНР в качестве лектора, в августе 1950 г. признавали, что в «Яньани в борьбе со шпионами и другими врагами партии был чрезмерно расширен круг людей, заподозренных во враждебном отношении, и многих честных людей подвергли репрессиям». В то время, по их словам, половина актива партии так или иначе подверглась репрессиям и разного рода наказаниям.

Бывший член Политбюро ЦК КПК Гао Ган рассказывал, как избивались кадры по ложным доносам. Сам Гао Ган тоже подвергался арестам и пыткам. Его держали на морозе, «играли, как мячом», — ставили в центр круга и били, не давая падать. Во время пыток ему сожгли правое бедро.

Военнослужащий Б. В. Алексеев, находившийся в тот период в Яньани, вспоминает: «Руководители КПК, и особенно Мао Цзэ-дун, вели себя тогда, как милитаристы, а не как коммунисты. Система власти была чисто диктаторской. Все инакомыслящие физически уничтожались. Этим занимался Кан Шэн, который фактически был правой рукой Мао Цзэ-дуна. Арестованные подвергались зверским пыткам в застенках Кан Шэна, а затем им отрубали головы».

Методы расправы, применявшиеся Кан Шэном, критиковались на VII съезде КПК в 1945 г. в выступлениях некоторых делегатов, называвших Кан Шэна палачом. Однако он продолжал занимать ответственные посты в руководстве КПК и только в 1948 г. был выведен из состава Политбюро за «левацкие перегибы в работе», отстранен от должности начальника особого отдела и направлен на работу в провинцию Шаньдун. После образования КНР Кан Шэна вновь выдвигают на ответственные посты. В 1956 г. на VIII съезде КПК по личной инициативе Мао Цзэ-дуна он избирается кандидатом в члены Политбюро, а в 1962 г. становится секретарем ЦК КПК. В сентябре 1966 г. агентство Синьхуа сообщило, что Кан Шэн введен в состав Политбюро и стал членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Сейчас он является одним из немногих, составляющих ближайшее окружение Мао. На IX съезде КПК Кан Шэн «избран» членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

В результате проведения «кампании по выявлению шпионов» и «кампании раскаяния», в ходе которых была физически уничтожена и дискредитирована значительная часть партийных кадров, группе Мао Цзэ-дуна удалось взять верх над оппозицией в руководстве КПК. В обстановке физического и морального террора многие из обвинявшихся признали свои ошибки и дали заверения в том, что «впредь они будут неуклонно проводить линию Мао Цзэ-дуна».

Таким образом, еще в начале 40-х годов в КПК создавались идеологические и организационные условия для замены марксизма-ленинизма «китаизированным марксизмом», расчищался путь для превращения «идей Мао» в господствующую идеологию в Компартии Китая, а самого «председателя Мао» — в живого Будду.

Если на совещании в Цзуньи в 1935 г. Мао Цзэ-дун взял в свои руки главным образом контроль над армией, то к концу 1943 г. Мао Цзэ-дуну и его сторонникам удалось установить безраздельный контроль и над партией, расправившись со значительной частью революционных кадров и принудив остальных к повиновению.

Мао оставил в руководстве КПК некоторых деятелей, активно или пассивно выступавших против него, взяв с них клятву в беспрекословном послушании. Это было сделано умышленно, ибо в значительной мере гарантировало Мао Цзэ-дуна от возникновения новых оппозиционных групп во главе с людьми, пользовавшимися авторитетом в партии и стране, и давало ему возможность в случае критических выступлений с их стороны обвинить их в беспринципности, нечестности, измене своему слову и т. п.

Победа Мао Цзэ-дуна в борьбе за контроль над партией была закреплена на VII съезде КПК, состоявшемся в 1945 г. Съезд прошел под знаком культа личности Мао Цзэ-дуна и одобрил в качестве новой идеологической платформы Компартии Китая «китаизированный марксизм», или «идеи Мао Цзэ-дуна». В итоге к моменту свержения гоминдановского режима в Китае Мао Цзэ-дун узурпировал руководство партией и армией, а затем, с победой революции в 1949 г., — всей страной.

После VII съезда КПК и до так называемой «культурной революции», пишет Ван Мин, в течение более чем 20 лет Мао Цзэ-дун непрерывно проводил кампании под различными названиями. Но их главное содержание, главные цели, методы и объекты нападок в основном были теми же, какими они были в первой «кампании по упорядочению стиля». Первая «кампания по упорядочению стиля» была репетицией так называемой «культурной революции», следовавшие за ней различные другие кампании явились в той или иной степени непосредственными подготовительными мероприятиями к проведению «культурной революции».

**ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И АНТИСОВЕТИЗМА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАО ДО
ПОБЕДЫ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Чем сильнее становились позиции Мао и его окружения в руководстве КПК, тем определеннее в их взаимосвязях с внешним миром проявлялся национализм. Отношение Мао к Коминтерну и Советскому Союзу определялось тем, насколько в данный момент это отношение способствовало достижению его личных целей.

В национализме Мао Цзэ-дуна довольно четко выделялась антирусская тенденция, переросшая к настоящему времени в крайний антисоветизм. Мао был воспитан в духе великоханьского шовинизма. Россию он воспринимал в виде огромного бурого медведя, как это символически изображалось на географической карте Цинской империи, которая еще до «культурной революции» демонстрировалась в Центральном музее китайской революции в Пекине. К образу «бурого медведя», которого не пугаются китайские «храбрецы», обращается Мао в своих стихотворных откровениях (например, «Зимние облака», написанном 26 декабря 1962 г.).

В своих антирусских настроениях, которые являлись прежде всего выражением паназиатизма, Мао признавался Сноу еще в Яньани: «Я до сих пор помню некоторые очаровательные слова этой песни (песни, прославляющей победу Японии в войне 1904—1905 гг. — Авт.)... Я как бы ощущал красоту Японии и симпатизировал ее гордости и могуществу, воспеваемым в этой песне, посвященной победе над Россией».

Один из советских работников, находившийся в Яньани в 1940—1943 гг., вспоминает, что на вопрос, кто изображен на портрете (это был Чингисхан), помещенном в служебном помещении ЦК КПК рядом с изображением самого Мао, он получил ответ: «Это портрет китайского императора, который правил и Россией».

Националистические представления со временем вылились в откровенно антисоветские. Тов. Ван Мин в брошюре «О событиях в Китае» справедливо отмечает: «Мао Цзэ-дун сделал бешеный антисоветизм знаменем своей борьбы против марксизма-ленинизма, против коммунистических и рабочих партий, против социализма и коммунизма, против мировой революции и мира во всем

мире, чтобы тем самым заслужить одобрение и понимание у империалистической клики во главе с США и получить возможность сотрудничества с ней».

Другую причину особой иступленности нападок маоистов на нашу партию и страну Ван Мин обоснованно видит в стремлении Мао Цзэ-дуна при помощи «антисоветских кампаний разорвать установившиеся в течение десятилетий традиционную дружбу и братские отношения между коммунистическими партиями и между народами Китая и Советского Союза. Он крайне боится, что китайские коммунисты и китайский народ узнают о всесторонних величественных достижениях советского народа под руководством КПСС в ходе выполнения новой Программы и решений XXIII съезда КПСС, в строительстве коммунизма, в борьбе за мир во всем мире, в деле поддержки коммунистического и рабочего движения в разных странах, в деле поддержки национально-освободительного и социально-прогрессивного движения в Азии, Африке и Латинской Америке».

Тов. Ван Мин подчеркивает, что Мао Цзэ-дун «крайне боится, что китайские коммунисты и китайский народ узнают, что материальная и духовная жизнь советского народа улучшается изо дня в день, постепенно продвигаясь от принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» к принципу «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. к самой процветающей и самой счастливой жизни при коммунизме».

«Мао Цзэ-дун,— продолжает Ван Мин,— крайне боится, что если китайские коммунисты и китайский народ узнают истинное положение вещей по всем этим вопросам, то они еще яснее поймут всю абсурдность и пагубность так называемых «идей Мао Цзэ-дуна» и его политики. Тогда они неизбежно единодушно потребовали бы, чтобы Китай пошел по правильному, марксистско-ленинскому пути строительства социализма и борьбы за мир во всем мире, по которому идет Советский Союз. Поняв все это, они еще решительнее, шире, организованнее и сплоченнее поднялись бы на борьбу против Мао Цзэ-дуна и его «идей», против контрреволюционного военного переворота Мао Цзэ-дуна и его группы. Именно поэтому антисоветизм стал не только фокусом международной политики Мао Цзэ-дуна, но и сердцевиной его внутренней политики».

Разумеется, Мао Цзэ-дун до последних лет не афишировал свои великодержавные, антисоветские взгляды. Россия была в глазах миллионов китайцев великой родиной Октябрьской революции, всколыхнувшей весь мир. Коминтерн и Советский Союз оказывали китайским коммунистам, делу революции в Китае большую политическую, моральную и материальную поддержку. Этого нельзя было скрыть, и потому Мао Цзэ-дуну приходилось лавировать, изображать себя другом Советского Союза.

Тем более заслуживают особого рассмотрения факты, рисующие подлинное отношение Мао Цзэ-дуна к Коминтерну, к КПСС и Советскому Союзу до 1949 г.

Если проанализировать истинное отношение Мао Цзэ-дуна к Коминтерну, то окажется, что он целиком и полностью повторял избитую теорию китайских троцкистов о «плохо информированном Коминтерне, о китайской исключительности». Они доказывали, что «верность, дисциплина Коминтерна — одно, а верность китайской революции — другое».

Именно такой же линии придерживался и Мао Цзэ-дун, хотя действовал он более скрытно. Создавая видимость верности линии Коммунистического Интернационала, он на деле проводил политику, идущую вразрез с указаниями Коминтерна. Он третировал кадры, обучавшиеся в Москве и возвращавшиеся в Китай.

Главным мотивом в нападках Мао Цзэ-дуна и членов его группы на Коминтерн было повторение измышлений о том, что Коминтерн якобы не представлял себе действительной обстановки в Китае и поэтому давал ошибочные рекомендации. На самом деле все обстояло иначе.

Во-первых, следует особо отметить, что Мао Цзэ-дун, скрывая от китайских коммунистов подлинные указания и установки Коминтерна, присваивает себе авторство многих стратегических и тактических позиций, содержащихся в коминтерновских директивах. Ван Мин рассказывает: «Мао Цзэ-дун считал, что, для того чтобы написать историю КПК как историю одного Мао Цзэ-дуна, необходимо не признавать заслуг ленинизма, Коминтерна, ВКП(б) и Советского Союза в истории КПК и китайской революции. Необходимо отрицать заслуги любого руководителя, кадрового работника или члена партии в истории КПК и китайской революции».

По заявлению Мао Цзэ-дуна, особенно необходимо было: 1) отрицать заслуги Цюй Цю-бо в борьбе против правооппортунистического чэньдусюизма, а также заслуги чрезвычайной августовской конференции КПК (1927 год), одоблившей в своих решениях эту борьбу и заслуги руководства Коминтерна, непосредственно создавшего эту конференцию; объявить линию августовской конференции КПК «цюйцюбовской левооппортунистической линией»; 2) отрицать заслуги Ван Мина в борьбе против левоавантюристической линии Ли Ли-сяня, а также заслуги IV пленума ЦК КПК шестого созыва (январь 1931 года) и Президиума ИККИ (май 1931 года), одобвивших в своих решениях эту борьбу; объявить линию IV пленума ЦК КПК «левооппортунистической линией Ван Мина»; 3) отрицать заслуги Ван Мина в выдвижении политики антияпонского национального единого фронта и заслуги VII конгресса Коминтерна, одобвившего в своих решениях эту политику; объявить эту политику антияпонского национального единого фронта «правокапитулянтской линией Ван Мина».

По заявлению Мао Цзэ-дуна, если признать заслуги других в истории КПК и китайской революции, то тогда «не будет никакого маоцзэдунизма», «невозможно было бы написать историю КПК как историю одного Мао Цзэ-дуна» и не будет «особо высокого и незыблемого места Мао Цзэ-дуна в КПК»...». Поэтому он беззастенчиво присвоил себе решающую роль и в борьбе против чэньдусюизма и лилисаньщины, и в разработке и осуществлении политики единого фронта.

Во-вторых, обвиняя Коминтерн в том, что он якобы не понимал и не знал действительной обстановки в Китае, Мао в то же время всячески скрывал истинное положение в КПК и китайской Красной армии, намеренно дезориентировал Коминтерн, хотя возможности для систематической информации существовали. Двусторонняя связь между Москвой и Яньанью была налажена еще в 1936 г. В этот же период в Яньани в качестве военных корреспондентов и для помощи китайским коммунистам в борьбе против японской агрессии находились советские люди. Однако, после того как Мао Цзэ-дун и его ближайшие сторонники начали активизировать свою националистическую деятельность, отношение их к советским лю-

ням стало крайне подозрительным и недоброжелательным.

По воспоминаниям наших товарищей, они были поставлены под неослабный контроль аппарата Кан Шэна. «Находясь в овраге, в пещерах «подмышкой» у Кан Шэна,— вспоминает один из них,— мы чувствовали себя изолированными, а в передвижении по району нашего расположения и особенно в поездках в район расположения руководства Особого района — ограниченными. Даже чанкайшистские корреспонденты жили намного вольготнее».

Несмотря на специальные обращения советских правительственных органов, Коминтерна на имя Мао Цзэ-дуна с просьбами об оказании должного содействия советским работникам, Мао и его окружение делали все, чтобы изолировать их, посеять к ним недоверие. **Мао и его окружение видели в СССР не столько первое в мире социалистическое государство, сколько источник материальной и политической поддержки.**

Маоисты и в то время наплевательски относились к своим интернациональным обязанностям.

В наиболее тяжелый, начальный период Отечественной войны Коминтерн и Советский Союз поставили перед руководством КПК вопрос о совместных действиях против японских империалистов. 27 июня 1941 г. руководитель советской группы, находившейся в Яньани, сообщил в центр о том, что в соответствии с полученным поручением он поставил перед руководством КПК вопрос о помощи Советскому Союзу в случае нападения на СССР Японии. Китайские руководители заявили, что они уже наметили ряд мероприятий, а в заключение беседы Чжу Дэ просил передать в Москву, что если Япония нападет на СССР, то 8-я народная армия бросит против японцев все имеющиеся в ее распоряжении силы и сумеет оказать достаточную поддержку Советскому Союзу. 3 июля 1941 г. Мао Цзэ-дун подтвердил это заявление.

Однако в действительности никаких практических мер не предпринималось. В июле 1941 г. в Яньань было сообщено, что японцы отправляют на материк отоброшенные войска, и высказана просьба принять эффективные меры с целью не допустить их сосредоточения на Бейпин-Калганском и Баотоуском направлениях, т. е. против СССР, нарушить нормальное движение на железных до-

рогах, ведущих к указанным пунктам. Но эту просьбу, как и другие, Мао Цзэ-дун оставил без внимания.

Как вспоминают свидетели этих событий, 3 сентября 1941 г. перед Мао Цзэ-дуном вновь был поставлен вопрос о возможных акциях КПК в случае, если Япония начнет войну против СССР. В ответ последовали путанные и уклончивые заявления, обставленные бесконечными оговорками и содержавшие ряд заведомо невыполнимых в той обстановке требований к Советскому Союзу. Когда же Мао Цзэ-дуна попросили прямо, без всяких «если», сказать, что в состоянии предпринять КПК в случае нападения Японии на Советский Союз, он обвинил советского представителя в отсутствии диалектического мышления и бесцеремонно прервал разговор по столь важному вопросу.

Мао и его сторонники и в дальнейшем блокировали все попытки договориться о координации действий.

Большое значение для борьбы против японских милитаристов и успешного развития китайской революции были призваны сыграть установки Коминтерна на проведение в жизнь тактики единого фронта Компартии Китая с гоминданом. Эти установки соответствовали общей политике Коминтерна, направленной на развертывание массовых движений в рамках единого интернационального фронта борьбы народов в защиту Китая, поработанных германским фашизмом стран, в защиту СССР. Они ориентировали на немедленное создание внутри страны единого национального фронта, для чего необходимо было устанавливать контакт со всеми силами, выступающими против фашизма.

Коминтерн, наша партия настойчиво призывали Мао Цзэ-дуна, ЦК КПК активизировать действия Красной армии Китая против японских захватчиков, укреплять единый фронт китайского народа, что безусловно способствовало бы быстрейшему разгрому японского империализма. Однако Мао и его единомышленники, продолжая клясться в верности своему интернациональному долгу, на деле занимались проволочками и всячески уклонялись от выполнения рекомендаций и просьб Коминтерна.

По вопросу о едином фронте, как уже упоминалось, в руководстве КПК имелись глубокие разногласия. Группе интернационалистов противостояли Мао Цзэ-дун и его

сторонники, отрицавшие необходимость единого фронта, совместных с гоминданом действий для организации все-народной борьбы против японской агрессии. И только когда жизнь доказала безусловную необходимость создания такого фронта, Мао Цзэ-дун принялся делать вид, что является активным сторонником этого курса. А сегодня летописцы из окружения Мао доказывают, что «тактика единого фронта — один из величайших вкладов лично Мао Цзэ-дуна в марксизм-ленинизм».

Узконационалистический курс Мао Цзэ-дуна привел к тому, что начиная с 1941—1942 гг. постоянно падает активность войск КПК в борьбе против Японии. Эту свою тактику Мао Цзэ-дун обосновывал следующим образом: «...лучше мы сэкономим свои силы, разгромим гоминдан, возглавим власть в Китае и тогда, получая помощь от СССР, Англии и Америки, освободим Китай от японских захватчиков...»

Пассивное отношение Мао Цзэ-дуна к войне с милитаристской Японией в период, когда интересы международного пролетариата, интересы общей борьбы против фашизма требовали активизации действий против Японии, — еще один пример отступления Мао от интернационализма. В китайской печати приводилось выступление Мао Цзэ-дуна перед слушателями партшколы в Яньани в ноябре 1941 г. Уже тогда Мао выдвинул тезис о том, что «ввиду наличия перемены международной обстановки, не благоприятствующей КПК, наша партия в настоящее время, кроме всемерного расширения своих реальных сил, должна избежать жертв для сохранения своих сил». Мао Цзэ-дуном была выдвинута установка: «Десять процентов своих сил — на борьбу с Японией, двадцать процентов — на борьбу с гоминданом, семьдесят процентов — на рост своих сил».

В соответствии с этими установками Мао в течение ряда лет 8-я и 4-я народно-революционные армии активных боевых действий против японцев не вели. Распространялись такие суждения: зачем раздражать японцев и навлекать на себя неприятности; лучше жить с противником в добрососедских отношениях; мы не будем им мешать, а они нам. «Всем частям, — писал в январе 1943 г. советский военный корреспондент, находившийся в Яньани, — приказано боевых действий против японских войск не вести и отходить во время наступательных опе-

раций с их стороны. Если где представится возможность, то заключать с ними временное перемирие... Все районы, каждая часть КПК (имеются в виду воинские части, находившиеся под руководством КПК.— Авт.) ведут торговлю с японским тылом; в штабах разговоры о боевых операциях, как правило, не ведутся, а больше говорят о торговых операциях».

Очевидно, что в 40-х годах интернациональные обязанности КПК вообще и в отношении Советского Союза в частности беспокоили Мао Цзэ-дуна и его окружение так же мало, как мало их беспокоит сейчас выполнение Китаем своего интернационального долга в отношении народов социалистических стран, в частности героического народа Вьетнама.

Следует сказать о том, что Мао Цзэ-дун и его сторонники недооценивали мощь Советского Союза и переоценивали силы фашистской Германии.

Вместо организации помощи первому в мире социалистическому государству Мао и его приспешники распространяли утверждения о «неизбежности поражения Советского Союза», о том, что «24-летний социализм не может сравниться с 8-летним фашизмом», что «военная стратегия Советского Союза неправильна». Мао Цзэ-дун пускался в рассуждения о том, что не надо было оборонять Москву, Ленинград и Сталинград, а следовало сдать врагу эти и другие города без серьезного сопротивления, эвакуировать Красную Армию на Восток, за Урал, и вести против гитлеровцев партизанскую войну, ожидая англо-американского наступления на Западе.

С самого начала гитлеровского нашествия на Советский Союз отношение Мао и его сторонников к советским людям, находившимся в Яньани, резко изменилось. «Когда гитлеровская Германия напала на СССР и наши войска терпели неудачи,— вспоминал позже один из них,— Мао двусмысленно улыбался, а его окружение, кроме Чжу Дэ, открыто смеялось и злословило: вот, мол, ваша сила, вот ваши достижения. Красная Армия в борьбе с немцами явно бессильна». «После начала войны и временных успехов фашистских войск,— писал из Яньани советский военный корреспондент,— отношения стали еще холоднее и враждебнее. Люди перестали не только разговаривать с нами, но даже здороваться». «Сотруд-

ники аппарата Кан Шэна открыто выражали скептицизм в отношении перспектив Отечественной войны. Бывали случаи безобразных враждебных выпадов. Во время выступления советского представителя перед командным составом 120-й дивизии был задан издевательский вопрос: «Почему Советская Армия воюет не по уставу? В Уставе написано — бить врага на его территории!» Вопрос вызвал одобрительное хихиканье части присутствующих». Зимой 1941 г. во время лекции в политуправлении 8-й народной армии один из руководителей политуправления «назвал советскую теорию военного искусства поверхностной». Он утверждал, что «надо в первую очередь изучать труды Мао».

«Проявления национализма, — вспоминают непосредственные свидетели этих враждебных выпадов, — были подобны укусам moskitov, их было множество, начиная от вопроса: «Ну как, своей земли ни одного ли (китайская мера длины, равная половине километра. — Авт.), а Северный Донец далеко от Волги?» — и кончая снисходительной вежливостью высших персон, которую они умеют облечь в оскорбительную форму».

Антисоветская клеветническая пропаганда принимала в Яньани систематический характер. Как уже упоминалось, в ходе кампании «за упорядочение стиля работы» в 1942—1943 гг. от людей, побывавших или учившихся в СССР, требовали «раскаiania» с клеветническими выпадами в адрес Советского Союза и нашей партии. Чтобы посеять в КПК недоверие к Коминтерну и Москве, использовался любой повод. Коммунистам внушалась мысль, будто Коминтерн давал вредные для дела китайской революции указания, что якобы при пособничестве Коминтерна китайцев, обучавшихся в СССР, воссанавливали против КПК, воспитывали из них «иностранных лакеев компрадорского типа», которые должны «узурпировать руководство в Компартии Китая» и т. п. Аналогичными по характеру были и выступления «кающихся» на VII съезде КПК. Таким образом, уже в те годы насаждалось настороженное, а часто и откровенно враждебное отношение к Советскому Союзу.

Националистические настроения распространялись и позже, например, среди китайских работников освобожденных районов Маньчжурии. Те китайские коммунисты, которые искренне и хорошо относились к Совет-

скому Союзу, стремились изучать марксизм-ленинизм, получали оскорбительное прозвище «двухголовых».

Враждебное отношение Мао Цзэ-дуна и его группы к нашей стране сочеталось со стремлением получить от Советского Союза как можно большую материальную помощь. Мао Цзэ-дун прекрасно понимал, что СССР придает серьезное значение успешному развитию Китая по пути социализма. В личных беседах с советскими представителями он недвусмысленно давал понять, что отношение Китая к СССР будет зависеть прежде всего от размеров этой помощи.

На протяжении всей истории КПК международное коммунистическое движение и КПСС последовательно проводили линию на поддержку Компартии Китая и оказание ей всесторонней помощи. Подлинные интернационалисты и не могли по-другому относиться к китайскому народу, поднявшемуся на борьбу за свое освобождение, к китайским коммунистам, руководившим этой борьбой. К тому же КПК даже при наличии крупных недостатков в ее руководстве была серьезным союзником прогрессивных сил в борьбе против империализма. Как уже говорилось, партия в целом сумела выполнить свою роль руководителя национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа.

Кроме того, при всей сложности положения в Китае и КПК можно было надеяться, что недостатки и трудности в партии будут в конце концов преодолены с помощью международного коммунистического движения. Линия Коминтерна, КПСС и других братских партий способствовала развитию марксистских, интернационалистских тенденций в КПК и служила серьезным противовесом мелкобуржуазному националистическому течению. Правильность этой линии была подтверждена победой китайской революции в 1949 г., в результате которой была создана Китайская Народная Республика, и сегодня вновь подтверждается сопротивлением, которое здоровые силы КПК оказывают политическому перевороту, совершаемому в Китае Мао Цзэ-дуном и его окружением.

ПОПЫТКИ МАОИСТОВ ВСТУПИТЬ В СГОВОР С АМЕРИКАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

Националистический характер деятельности Мао Цзэ-дуна и его окружения проявляется не только в отношении к международному коммунистическому движению, к нашей партии и Советскому Союзу. Об этом же свидетельствуют весь **внешнеполитический курс** Мао, постоянные отступления от принципиальной классовой линии, резкие и неоправданные шатания, крайности в политике.

Несмотря на то что Яньань постоянно информировалась о тактических и стратегических задачах мирового коммунистического движения в условиях роста фашистской опасности и антисоветских маневров правящих кругов Запада, Мао Цзэ-дун в начале 40-х годов выдвигал сомнительные установки. Так, в 1940 г. он, без согласования с Политбюро ЦК КПК, напечатал в газете «Синьчжунхуабао» статью, в которой выступал против создания антигитлеровской коалиции СССР, Англии, Франции и США. Он также считал неверной линию Коминтерна на образование в Китае единого фронта против милитаристской Японии. Всему этому Мао противопоставлял идею союза с Японией и ее китайской марионеткой — Ван Цзин-веем.

По-видимому, в свете этой «идеи Мао» следует рассматривать и его практические действия, направленные на срыв единого фронта в стране, и саботаж координации операций с Советским Союзом в борьбе против японской агрессии, и свертывание военных действий против агрессоров, и поощрение негласного сотрудничества с японскими властями. Однако такая провокаторская политика Мао Цзэ-дуна оказалась слишком непопулярной среди китайских коммунистов и в китайском народе, натолкнулась на решительное противодействие Коминтерна и в конце концов была сорвана победами Советской Армии на Западе и Востоке.

Вместе с тем Мао и его окружение длительное время **вынашивали планы сговора с империалистами США**. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на протяжении почти всей антияпонской войны в штабе китайских коммунистов — Яньани находились различные группы американцев. Здесь было учреждено постоянное военное представительство США; на большинстве баз КПК также

обосновались радиофицированные группы американских офицеров; они свободно разъезжали повсюду. Во время пребывания ЦК КПК в Яньани там были постоянные представители американцев — разведчики, журналисты, аппарат ЮНРРА.

Еще в 1936 г. сюда прибыл в качестве журналиста Э. Сноу, с которым Мао вел многодневные откровенные беседы. Примерно с того же времени в Яньани проживал под видом врача некто Ма Хай-дэ (его настоящее имя — Джордж Хэйтэм). В иностранных кругах единодушно отмечалось, что Ма Хай-дэ — американский разведчик. Работая в американской миссии и одновременно поддерживая контакты с руководством КПК, он являлся своеобразным двусторонним информатором и связующим звеном между ними. Каждая из сторон (американская и китайская) ценила Ма Хай-дэ, так как была заинтересована в информации. Кстати, Ма Хай-дэ снискал особую благосклонность жены Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин.

В начале 1942 г. в Яньань прибыла группа военных представителей США. С 1944 г. по март 1946 г. здесь постоянно находились американские наблюдатели, направленные генералом Стилуэллом. В разное время и на длительные сроки Яньань посещали Анна Луиза Стронг и Агнеса Смедли, а также друг посла США в Китае Стюарта профессор Эллиоссер и другие. Даже в период эвакуации руководства КПК из Яньани в 1947 г. с ним находился и работал в редакции центрального органа партии американский журналист Сидней Риттенберг. Некоторые из американцев были связаны с империалистической разведкой. Мао Цзэ-дун и другие китайские руководители знали об этом, но не принимали против них никаких мер.

Правящие круги США активно стремились поддерживать связи с Мао Цзэ-дуном и его окружением, ибо деятельность маоистов отвечала интересам американских империалистов. Не случайно президент США подчеркивал в беседе с японским адмиралом Номура: «Китайский коммунизм не такой, как русский. И Япония напрасно опасается коммунизма в Китае». Проживающий сейчас в США Танг Чжоу, характеризуя действия американских представителей в Китае в 40-х годах, пишет, что они «хотели завоевать китайских коммунистов на сторону США или, по крайней мере, заставить их проводить независимую от Советского Союза политику».

Разгадав подлинные позиции Мао Цзэ-дуна, американцы начали предпринимать практические шаги к тому, чтобы склонить его к ориентации на США. Прибывшие в начале 1942 г. в Яньань американские военные наблюдатели сообщили Мао Цзэ-дуну, что США наметили в 1946 г. высадить войска на территориях Японии и Китая, после чего они смогут оказывать войскам КПК военнотехническую и другую материальную помощь. В связи с этим Мао Цзэ-дун отозвал в Центральную партийную школу в Яньани всех командиров и политработников из частей (от полка и выше) Восьмой и Новой четвертой армий, всех секретарей уездных и вышестоящих партийных комитетов, ответственных партийных работников из различных массовых организаций. Эти люди, оторванные от активной боевой и политической деятельности, находились там вплоть до вступления Советской Армии в Маньчжурию. Всем им внушалась вера в предстоящее наступление США и американскую помощь.

Правящие круги США прямо назвали цену, которую должны были заплатить маоисты. Начальник американской военно-наблюдательной группы в Яньани передал Мао Цзэ-дуну американское предложение **разорвать связи с Москвой и Коминтерном в качестве условия оказания ему поддержки Соединенными Штатами**. После этого Мао Цзэ-дун стал открыто демонстрировать американцам свою «независимость» от Коминтерна и Советского Союза.

Тогда-то, в 1942 г., Мао Цзэ-дун начинает широкую идеологическую кампанию борьбы с «иностранными шаблонами», за утверждение «китаизированного марксизма», а вслед за ней развернулись и преследования «московской группировки» в ходе «движения за упорядочение стиля».

В 1944 г. в Яньани получает хождение идея переименования Компартии Китая. Мао Цзэ-дун обосновывал ее тем, что перемена названия партии произвела бы выгодное впечатление за рубежом, особенно на американцев. В это же время Мао и его окружение начали постепенно готовить почву для открытия в Яньани консульства США. Осенью 1944 г. Яньань посетил личный представитель президента США генерал Хэрли, который вел переговоры об урегулировании отношений руководства КПК с Чан Кайши. Хэрли предложил Мао Цзэ-дуну направить письмо

президенту США, и тот написал пространное угодническое послание.

В русле все той же политики следует рассматривать заявление Мао на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва (начало 1949 г.) о том, что «после победы нашей революции в течение по крайней мере первых двух лет Китай не будет устанавливать дипломатические отношения ни с Советским Союзом, ни с Англией и Америкой». Тем самым Мао хотел достигнуть нескольких целей: выполнить требование США о разрыве связей с Москвой в обмен на американскую помощь; поколебать авторитет Советского Союза в глазах китайского народа и прогрессивной мировой общественности, поставив социалистическое государство на одну доску с империалистическими; закрепить Китайскую Народную Республику в положении нейтральной страны, не связанной с социалистическим содружеством.

В ходе освобождения страны от гоминдановцев Мао Цзэ-дун и его сторонники стремились никоим образом не затрагивать интересов США. Так, длительное время не предпринималось никаких акций против американских войск, находившихся в Циндао.

Советские люди, работавшие в то время в Китае, отмечали: «Несмотря на то что Англия и Америка активно поддерживали Чан Кай-ши, руководство КПК было заражено иллюзиями быстрого признания Китайской Народной Республики этими государствами».

Наряду с политическими и дипломатическими реверансами в адрес США Мао и его приспешники старались снискать расположение и деловых кругов этой империалистической страны. После освобождения Тяньцзиня туда был приглашен представитель американских торговцев, с которым китайские власти сразу же вступили в переговоры. В Шанхае американские фирмы, в руках которых были сосредоточены энергетические предприятия, после перехода власти к народному правительству резко повысили цены на электроэнергию, отпускавшуюся национальным китайским предприятиям, в то же время сохранив без изменения цены для иностранных промышленных и торговых компаний. И хотя такой шаг американских предпринимателей носил явно дискриминационный характер, шанхайские власти ничего не предприняли против них.

Китайские руководители, рассуждая о принципах экономического строительства нового Китая, открыто заявляли: «Не будем возражать против участия в развитии промышленности американского и английского капиталов». Они высказывались за предоставление западным капиталистам возможности создавать в КНР компании и фирмы на концессионных началах, порицали тех, кто «слишком надеялся на Советский Союз». В свете проамериканских настроений следует рассматривать и отрицательное отношение правительства КНР к посылке советских специалистов в те китайские города, где сосредоточивались экономические интересы Америки.

Расчеты Мао Цзэ-дуна на сотрудничество с правящими кругами США сохранялись и в последующее время. Даже после корейской войны мысль о возможности сближения с американцами не оставляла Мао. В январе 1965 г. в ответ на вопрос Э. Сноу, хочет ли Мао что-нибудь передать Джонсону, он заявил: «Конечно, лично я сожалею, что силы истории разобщили американский и китайский народы... Силы истории должны при случае вновь объединить два народа; этот день наверняка наступит...».

Представляет интерес другой аспект американо-китайских контактов. К концу 40-х годов, когда поражение гоминдановцев становилось все более очевидным, США приложили значительные усилия к тому, чтобы оставить на китайской территории возможно больше своих людей. Незадолго до полного военного краха гоминдана находившиеся в Китае военнослужащие США начали снимать с себя военную форму и перекрашиваться в коммерсантов, литераторов, работников ЮНРРА и т. д. Американцы активно использовали всевозможные благотворительные организации, которые поддерживали связи с США и охотно принимали их к себе на работу.

Оседавшие в КНР агенты США нередко получали поддержку со стороны видных работников китайских правительственных органов. И хотя китайские органы располагали данными о принадлежности многих из них к американской разведке, они и после провала беспрепятственно покидали Китай.

Что касается остававшихся в КНР американцев, то отношения китайских руководителей со многими из них становились все более доверительными, принимали ха-

раक्टर личной дружбы. Эти люди и сейчас живут в Китае, пользуясь особыми благами и привилегиями. Многие из них были участниками приема, устроенного Мао Цзэ-дуном и Цзян Цин по случаю дня рождения Анны Луизы Стронг в 1965 г.

Американцы имеют постоянные доверительные контакты с маоистской верхушкой. В частности, Стронг на протяжении многих лет общается с Мао Цзэ-дуном и другими руководителями КПК. Жена Ма Хай-дэ, китаянка, — личный друг Цзян Цин и т. п. Летом 1965 г. в Пекин возвратился после 16-летнего пребывания в США бывший временный президент гоминдановского правительства Ли Цзун-жэнь. Этому отъявленному реакционеру, предводителю гоминдановских карательных войск по борьбе с коммунистами, который в списке военных преступников — врагов китайского народа занимал второе место вслед за Чан Кай-ши, Мао устроил помпезную встречу.

Сотрудники американской разведки в Гонконге поддерживают связи с «пекинскими американцами», получая от них информацию.

Таково в действительности отношение Мао Цзэ-дуна и его окружения к американским империалистам.

Однако в 40-х годах сговор маоистов с США не состоялся. Этому помешало несколько причин. Главная из них заключалась в том, что победа Советского Союза в войне против гитлеровской Германии и особенно разгром Японии и освобождение Советской Армией Маньчжурии, а также всесторонняя бескорыстная помощь советского народа китайскому народу в его борьбе против гоминдановцев принесли СССР, идеям пролетарского интернационализма и социализма высочайший авторитет в Китае. Мао Цзэ-дун и его подручные оказались не в силах противостоять этому авторитету и продолжать свою линию на сговор с американским империализмом. Они были вынуждены срочно перестроиться, делать вид, будто разделяют принципы пролетарского интернационализма, маскироваться под верных друзей Советского Союза. Китайская Народная Республика вошла в социалистическое содружество и стала союзником СССР.

Среди обстоятельств, проливающих свет на истинные источники нынешнего положения в Компартии Китая и действий ее лидеров, немаловажное значение имеет тот факт, что руководство КПК оказалось сильно засоренным националистическими, мелкобуржуазными, троцкистскими и другими чуждыми элементами. Об этом свидетельствуют документы. Об этом же единодушно говорят советские люди, длительное время непосредственно наблюдавшие развитие событий в Китае и имевшие отношение к этой стране по своей практической работе.

Засоренность партийных рядов было вынуждено признавать и само руководство КПК. В «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии», принятом на VII пленуме ЦК КПК в апреле 1945 г., указывается: «Наша партия не только окружена этой широкой общественной прослойкой (мелкой буржуазией), но и внутри ее выходцы из мелкой буржуазии составляют огромное большинство... Кроме того, даже рабочие массы и члены партии из рабочих и те в экономических условиях Китая легко покрываются мелкобуржуазной плесенью. Поэтому мелкобуржуазная идеология всех оттенков часто находит отражение в партии». В этом же документе говорилось о наличии в партии «рядящихся в марксистско-ленинскую тогу либералов, реформистов, анархистов, бланкистов и т. д.» и указывалось на опасность того, что «мелкобуржуазные элементы, несомненно, попытаются изменить облик партии — этого передового отряда пролетариата — по своему образу и подобию и захватить ее в свои руки, что принесет ущерб делу партии и народа».

Мао Цзэ-дун не раз был вынужден делать подобные признания. В 1955 г. он отмечал: «Компартия Китая после своего возникновения основную работу была вынуждена проводить в деревне. В деревне складывалась Народно-освободительная армия, ее кадры создавались в основном из крестьян, а также из старого офицерского состава». «КПК — партия большая, засоренность в ней значительная, — подчеркивал он в 1956 г., — зазнайство и бюрократизм, может быть, активнее проявляются, чем в других партиях, ибо в Китае полуфеодалские условия больше, чем где бы то ни было, порождали сектантские, местнические тенденции».

В первые годы существования КПК ее основные кадры составляли, как уже упоминалось, выходцы из мелкобуржуазных слоев, прежде всего представители мелкобуржуазной интеллигенции. Часть членов КПК пришла в партию через группы китайских коммунистов, образовавшиеся за границей, в том числе в Париже, Берлине, Токио. Эти люди, естественно, были далеки от жизни и борьбы китайского пролетариата. Характерно, что среди делегатов I съезда КПК не было ни одного представителя рабочих организаций и пролетарских кружков. Некоторые участники этого съезда впоследствии превратились в ренегатов и открытых антикоммунистов. Дай Цзи-тао возглавил правое крыло гоминдана, Чэнь Гун-бо стал марионеткой японской военщины и т. д. Только в 1924—1927 гг. организации компартии стали возникать среди рабочих. Последовавшие затем разгул белого террора, провалы партийных организаций в городах и перемещение всей работы КПК в армию и освобожденные районы, оторванные от пролетарских центров, еще более способствовали засорению КПК непролетарскими элементами.

Особую роль в этом процессе сыграл яньаньский период. Война против японских захватчиков сделала Яньань притягательным центром, куда со всего Китая устремились патриотически настроенные люди, из которых впоследствии многие стали подлинными революционерами. Но вместе с ними прибывало немало гоминдановских и японских агентов, сотрудников империалистических разведок, а также троцкистов и других антипартийных элементов, неизменно выступавших против линии Коминтерна.

Образ жизни в Яньани, насаждавшийся Мао Цзэ-дун и его сторонниками, также не способствовал формированию марксистско-ленинских кадров. Более того, он разлагающе действовал на нестойких людей, особенно пагубно сказывалось бездеятельное десятилетие «яньаньского сидения» на молодежи. Один из советских корреспондентов, описывая обстановку в Яньани в феврале 1942 г., рассказывал, что лучшая часть молодежи в 1939—1940 гг. ушла из Особого района, а осталась худшая ее часть, которая в эти годы безделья разлагалась. «Эти люди совершенно не были способны к какой-либо активной работе, они могли лишь выступать с многочасовыми, абсолютно бессодержательными, докладами или целыми

днями сплетничать о своих товарищах. Никаких практических знаний в учебных заведениях им не давали, и, оканчивая их, они в лучшем случае получали смутные представления о политических предметах, заучив набор фраз и цитат». Историю Китая и революционного движения они или совсем не знали или же имели о ней весьма расплывчатое представление. Столь же поверхностны были и их знания о СССР. Несмотря на слабое знание политических и экономических вопросов, писал корреспондент, такие люди брались рассуждать на любые темы, мечтали о крупной руководящей деятельности, презирая всякую низовую и техническую работу. Они увлекались революционной фразой, отрицали и порицали всю китайскую культуру и обычаи. Присущая китайцам вежливость им совершенно несвойственна. В военном отношении это были неграмотные люди, хотя в анкетах писали, что служили в войсках, участвовали в боях, а в действительности их служба в войсках сводилась к кратковременной работе среди населения в районе расположения воинской части. Все они добивались направления в Яньань на учебу. Что же касается участия в боях против японцев, то они даже и в глаза не видели их и удирали, как только японские части приближались на 25—30 км. Люди, кричавшие о готовности к самопожертвованию, продолжал корреспондент, могли сидеть месяцами, ожидая ухода стоявших в деревне 5—10 японских солдат.

Аналогичную характеристику маоистам давали и другие: «Кадры, имеющиеся в Особом районе, слабы. Большинство не имеет жизненного опыта, специальности. Многие проникнуты мещанским духом своего высокого предназначения руководить в будущем революцией. На деле — трусость, шкурничество, нежелание идти на незаметную работу». И впоследствии такие люди зачастую выдвигались в руководство партии и страны, ибо пребывание в Яньани Мао Цзэ-дун считал высшей аттестацией любого работника. Они и сейчас являются наиболее правоверными маоистами, опорой Мао Цзэ-дуна.

Процесс засорения Компартии Китая и ее руководства чуждыми элементами усилился в период гражданской войны 1946—1949 гг., когда гоминдановские дивизии, корпуса и целые армии переходили на сторону НОАК вместе с генералитетом и штабами. В это время

КПК росла исключительно за счет непролетарских элементов, носителей мелкобуржуазных и националистических взглядов, гоминдановцев.

Еще в 1936 г. Коминтерн, обращаясь к ЦК КПК, подчеркивал: «Нас особенно беспокоит решение о том, что в партию могут приниматься все желающие, независимо от их социального происхождения, и что партия не боится проникновения в ее ряды некоторых карьеристов, а также ваше сообщение о намерении принять в партию даже Чжан Сюэ-ляна (милитарист, махровый реакционер.— Авт.)... Мы считали бы также ошибочным прием без разбора в ряды Красной армии студентов и бывших офицеров других армий... Мы считаем неправильным допускать представителей имущих классов к политическому управлению в советских районах...»

Однако Мао Цзэ-дун не только не проявил необходимой заботы о чистоте рядов КПК как марксистско-ленинской партии, но повел прямо противоположную политику. Масса людей, примкнувших к КПК в яньаньский период и после него, проходила лишь курс маоистского «перевоспитания» и «раскаяния», а затем становилась источником пополнения кадров политорганов, редакций, издательств, командного состава Красной армии и т. п. «Движение за упорядочение стиля» начала 40-х годов было направлено исключительно против тех, кто отстаивал линию Коминтерна и не разделял взглядов Мао Цзэ-дуна, но оно явилось, по существу, кампанией всепрощения по отношению к действительно антипартийным элементам. Накануне VII съезда КПК, в 1945 г., Мао Цзэ-дун провел новую амнистию антипартийных буржуазных элементов, заявив, что «ликвидированы корни» левоуклонистских и правооппортунистических ошибок и что «следует без всякого предубеждения приветствовать и привлекать к работе на пользу партии всех товарищей, допустивших ошибки в прошлом, если только они поняли свои ошибки и приступили к их исправлению». При этом амнистия касалась, как правило, антисоветски настроенных людей, беспрекословно принимавших «идеи Мао». Это была своеобразная предтеча нынешней «культурной революции».

Такой курс отнюдь не был случайным. У самого Мао и его сторонников и раньше неоднократно проявлялись **правокапитулянтские тенденции**. Еще в декабре 1930 г.

один из провинциальных комитетов КПК констатировал в своем решении: «Мао Цзэ-дун от начала до конца является законченным правым оппортунистом».

Картину правооппортунистической практики Мао Цзэ-дуна, одним из важнейших аспектов которой было отношение к рабочему классу, рисуют советские специалисты, работавшие в Китае. После победы китайской революции они отмечали, что руководство КПК не принимает каких-либо радикальных мер для создания политических и материальных условий, при которых рабочий класс почувствовал бы себя господствующим классом, находящимся у власти. Рабочие продолжали владеть полуголодное существование. Продолжительность рабочего дня согласно законоположениям о труде устанавливалась в 12 часов. Зарплата оставалась без изменений по сравнению с периодом гоминдановского господства. Не были изданы законы об охране труда рабочих и социальном страховании. Одобренные в ноябре 1949 г. «Правила, регулирующие отношения между трудом и капиталом», не только не развивали основных принципов, закрепленных в Общей программе политико-консультативного совещания, но, по существу, означали отказ от них.

В руководящих кругах Коммунистической партии Китая по-прежнему бытовала недооценка роли рабочего класса в революционном преобразовании страны. Рабочих не допускали даже в Коммунистический университет, так как руководство считало их «недостаточно зрелыми, неграмотными, политически отсталыми» и якобы «не принимавшими активного участия в революции».

Несмотря на то что КПК в течение многих лет опиралась на крестьянство, послужившее массовой базой Народно-освободительной армии и источником ее материального снабжения, китайские руководители проявляли нерешительность и боязнь в проведении революционных мероприятий и в деревне.

Зато Мао Цзэ-дун и его окружение явно благоволили к буржуазии. Отсутствие каких-либо ограничительных мер по отношению даже к крупной национальной буржуазии благоприятствовало активизации ее реакционной деятельности: не взимался налог с торгового оборота, не велось решительной борьбы со спекулятивными элементами. «По отношению к иностранным капиталистическим предприятиям и торговым фирмам проводится политика

заигрывания,— констатировали советские специалисты еще в 1949 г.— Никакого налогового нажима или каких-либо других ограничительных мер...» В компартии «распространяются взгляды о том, что с полной победой на фронтах классовая борьба будет затухать, поскольку новое правительство привлекает к сотрудничеству все слои населения страны, в том числе и национальную буржуазию».

Среди некоторой части коммунистов и в руководящих кругах компартии получила распространение «теория» о том, что «новые кулаки», которые вырастают после проведения земельной реформы, являются якобы «революционной силой», поддерживающей компартию и народное правительство.

Так, в беседах с представителями братских партий в 1949 г. китайские руководители заявляли следующее: «В том, что в деревне появляется новый тип кулака, нет никакой опасности, ибо этот кулак получил свое богатство от новой власти и решительно стоит за нее... Этот новый кулак настроен революционно».

Характеризуя положение в самой КПК, советские работники еще в 1949 г. отмечали, что «рост партии за счет рабочего класса ничтожен. Сколько-нибудь активной работы по привлечению рабочих в ряды партии не ведется. Партийные организации в значительной степени засорены помещичье-кулацкими и буржуазными элементами, прием в партию в ряде районов проводится огульно».

Эти впечатления советских людей подтверждаются наблюдениями руководящих товарищей из братских партий, побывавших в те годы в Китае: «Новые демократические власти предоставляют слишком большую свободу национальной буржуазии в городе. Частнокапиталистический элемент в городе располагает исключительно благоприятной почвой для своего роста. Рабочие на частных предприятиях до сих пор не имеют никаких прав и полностью подчинены предпринимателям.

Рабочему классу Китая не уделяется внимания. Новые власти считают, что китайский рабочий класс несознательен и еще не понимает политики партии. Поэтому его нельзя привлекать к активному строительству. Вследствие такого взгляда на рабочий класс не ведется никакой работы по вовлечению рабочих в партию и по их идеологическому воспитанию».

С тревогой отмечалось, что Мао «четкой и ясной перспективы своему народу, и в первую очередь рабочему классу, не дает. Поэтому сосредоточение в его руках всей полноты власти вызывает некоторые опасения». Говорилось также о «серьезной опасности полной реставрации капитализма как в городе, так и в деревне, причем руководство КПК не понимает грозящей опасности и не ведет с нею борьбы».

Пекинские лидеры твердили: «Нельзя допускать никакой классовой борьбы на частных предприятиях в новом Китае, и для поднятия производства нужно дать свободу действий предпринимателю. Рабочий класс Китая безграмотен, несознателен, и поэтому его пока нельзя втягивать в классовую борьбу». На замечание о том, что Ленин подчеркивал необходимость учить рабочий класс и смело продвигать его, давался ответ, что в Пекине знают эти установки Ленина, но «к специфическим условиям Китая они пока не подходят, и это вопрос будущего».

Китайские руководители не заботились об укреплении руководящей роли рабочего класса, росте его организованности потому, что делали основную ставку на крестьянство, на кулака. Интересны в этом смысле их высказывания в беседе с П. Ф. Юдиным в 1951 г. В КПК, по их словам, существуют настроения в пользу того, чтобы «кулака считать главной фигурой в деревне», и отсюда делается вывод, что только на путях «развития кулацкого хозяйства Китай может развить производительные силы деревни, создать зерновую и сырьевую базу для города и промышленности», поэтому необходимо поддерживать в деревне тех коммунистов, хозяйства которых вырастают в кулацкие, не исключать их из партии, а помогать развивать хозяйства; такие коммунисты должны служить примером для всех крестьян.

Правооппортунистическая тенденция в КПК явилась следствием того, что лица, стоящие у руководства партии, не обеспечили чистоту ее рядов, господствующее положение в ней китайского рабочего класса, пролетарской идеологии. Мао Цзэ-дун и его сторонники регулировали состав партии таким образом, чтобы создать в ней идейную неразбериху, оттеснить от руководства КПК представителей рабочего класса и тем самым обеспечить себе свободу действий.

Рабочий класс Китая, по существу, не был представлен в Центральном Комитете КПК. Даже накануне «культурной революции», на 17-м году существования КНР, в составе ЦК КПК выходцев из рабочей среды насчитывались единицы (данные о социальном составе руководящих органов Компартии Китая тщательно скрывались и скрываются пекинскими лидерами). Среди членов Политбюро ЦК только один Чэнь Юнь происходил из рабочей семьи. Да и тот с конца 50-х годов отстранен от активной партийной и общественной деятельности.

Выступая в августе 1961 г. перед выпускниками вузов, Чэнь И признавал: «Среди руководящих товарищей ЦК КПК имеется очень много людей, вышедших из семей средних и верхних слоев, а выходцев из действительно рабочих и крестьянских семей совсем немного...»

Мао Цзэ-дун постепенно окружил себя такими людьми, которые верно служили ему лично или по крайней мере не пытались соперничать с ним. Эта группа сформировалась в основном в яньаньский период, но с отдельными ее представителями Мао установил отношения еще раньше.

Достаточно назвать несколько имен, чтобы получить представление о политическом облике этой группы.

Одна из самых зловещих фигур в руководящем ядре КПК — активный сторонник Мао Цзэ-дуна и его «правая рука» Кан Шэн. Темные страницы его биографии связаны не только с преступной ролью, которую он сыграл и продолжает играть в уничтожении и избиении кадров КПК. Советские люди в свое время сообщали из Яньани: «Некоторые товарищи не без основания считают, что Кан Шэн является врагом Советского Союза и КПК. Есть основания полагать, что он — гоминдановский и даже японский шпион».

Чэнь Бо-да — его называют в Китае «перо Мао» — было вынесено партийное взыскание ИККИ за протроцкистские взгляды. После XI пленума ЦК КПК в августе 1966 г. он был переведен из кандидатов в члены Политбюро и назначен руководителем «группы культурной революции при ЦК КПК».

Состав руководящего ядра КПК, возглавлявшегося Мао Цзэ-дуном, и его действия приводили советских людей, находившихся в Китае, к определенным выводам. «...Мы имеем налицо,— писал один из них в феврале

1942 г., — враждебную СССР группировку, которая весьма сильна и держит все в своих руках».

Следует добавить, что советские люди, длительное время работавшие в Китае, с тревогой отмечали наличие возможностей и каналов для проникновения империалистических разведок в КПК и в ее руководящую верхушку.

Один из них, например, рассказывал: «Гоминдановская охранка, как видно из многочисленных фактов, пустила в свое время глубокие корни и имела свою агентуру во всех звеньях КПК снизу доверху. И теперь эта агентура (агентурное досье гоминдановской охранки вывезено на Тайвань), несомненно, в нужных случаях используется разведывательными органами США. То же в известной мере можно сказать и о японской агентуре, созданной в период оккупации в разных слоях китайского общества...»

Естественно, вопрос этот требует тщательного изучения. Но даже имеющиеся данные позволяют говорить о засоренности руководства КПК. Это особенно опасно в условиях, когда Мао Цзэ-дун и его окружение открыто проводят антисоветский националистический курс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы лишь некоторые страницы политической деятельности Мао Цзэ-дуна. Они свидетельствуют о том, что ожесточенная политическая и идеологическая борьба против международного коммунистического движения, против КПСС и других братских партий, против марксистско-ленинского учения и завоеваний социализма в Китае, которую развернули Мао Цзэ-дун и его группа, возникла не вдруг и не стихийно. Этот курс имеет свои истоки, свою историю и в значительной мере связан с таким субъективным фактором, как политический облик Мао Цзэ-дуна.

«Великий кормчий» никогда не был настоящим марксистом. Он лишь маскировался под марксиста, преследуя единственную цель — узурпировать всю полноту власти в КПК и стране, а затем попытаться установить гегемонию Китая над миром. Этой целью Мао руководствовался начиная с ранних этапов своей политической деятельности. Борьба за неограниченную власть достигла кульминации в последние годы, приняв форму так называемой «культурной революции», в ходе которой ликвидируются социалистические завоевания китайского народа.

Мао Цзэ-дун и его последователи никогда не были интернационалистами. Напротив, им всегда был свойствен махровый национализм, доходящий до крайнего великодержавного шовинизма и расизма. Эти люди давно поняли, что главным препятствием на пути реализации их гегемонистских планов являются марксистско-ленинские партии, стоящие на интернационалистских позициях, и в первую очередь КПСС — партия, обладающая наибольшим историческим опытом борьбы за интересы трудового народа и давшая миру образец воплощения в жизнь идеалов социализма и пролетарского интернационализма. Поэтому в маоистском национализме антисоветская, анти-социалистическая направленность заняла доминирующее

положение. Истинные замыслы маоистов полностью раскрыли вооруженные провокации, организованные китайскими властями на советской границе в марте 1969 г.

Буржуазная и праворевизионистская историография, не говоря уже о придворных летописцах Мао Цзэ-дуна, пытается создать вокруг него ореол «революционера-романтика», сыгравшего решающую роль в победе китайской революции, в судьбе многомиллионного народа Китая и достойного роли «мирового лидера». Но нет сомнения в том, что придет время, когда китайский народ, китайские марксисты получат возможность в полной мере высказать свое мнение на этот счет и объективно оценить «вклад» Мао Цзэ-дуна, принесшего Китаю столько испытаний и страданий.

Китайская революция осуществлялась в сложных и тяжелых условиях, ее развитию и победе неизменно способствовали марксистские интернационалистские силы как внутри КПК, так и на международной арене. Колоссальные потери китайского народа в ходе революции, вызывавшиеся в том числе и волюнтаристскими действиями Мао Цзэ-дуна, направленными на установление собственной безграничной власти, компенсировались героической борьбой коммунистов, неизмеримой поддержкой Советского Союза, мирового рабочего класса. И попытки приписать все успехи китайской революции Мао обречены на провал. Исторические факты свидетельствуют, что в лице Мао Цзэ-дуна и его окружения международное коммунистическое движение имеет дело не просто с теоретическими путаниками или заблуждающимися политическими деятелями, а с людьми, ничего общего не имеющими с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом, сознательно извращающими марксистско-ленинское учение и рвущимися к мировой гегемонии.

В связи с этим может возникнуть вопрос: почему же международное коммунистическое движение поддерживало с руководством КПК контакты, оказывало ему широкую помощь?

Суть ответа на этот вопрос заключается прежде всего в том, что КПСС и Советский Союз, социалистические государства и международное коммунистическое движение оказывали поддержку не лично Мао Цзэ-дуну и его подручным, а **китайскому народу**, поднявшемуся на революцию и самоотверженно сражавшемуся за свое националь-

ное и социальное освобождение, Компартии Китая, руководившей этой борьбой, Китайской Народной Республике, ставшей членом социалистического содружества и вступившей на путь социализма. Антимарксистская деятельность Мао Цзэ-дуна и его последователей не должна заслонять славную историю героической борьбы коммунистов и трудящихся Китая за социализм. Тем более нет никаких оснований считать, что последнее слово в этой борьбе уже сказано.

Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что в Компартии Китая давно уже шла борьба между двумя направлениями — подлинно марксистским, интернационалистским и мелкобуржуазно-националистическим, маскирующимся «левой» фразой. Мировое коммунистическое движение в лице Коминтерна и наша партия, разумеется, всегда проявляли озабоченность в связи с антипартийными тенденциями в деятельности Мао Цзэ-дуна и его окружения. Тем не менее можно было рассчитывать, что развитие революционного процесса в Китае, постоянная теоретическая и практическая поддержка КПК со стороны международного коммунистического движения и КПСС приведут к тому, что здоровые силы в ней укрепятся и в конце концов партия китайских коммунистов вновь займет свое место в международном коммунистическом движении.

Последовательная помощь Советского Союза китайской революции, его величайшая роль в освобождении страны от империалистического ига в огромной степени увеличили авторитет социализма в Китае. Этот авторитет еще более укрепился, когда руководство КПК, не имевшее необходимого опыта работы в мирной обстановке, управления народным хозяйством и страной в целом, оказалось перед необходимостью опереться на Советский Союз и другие братские страны. Задачи восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития экономики и культуры страны нельзя было решить без большой экономической, технической, культурной и иной помощи извне, которую в условиях империалистической блокады Китайская Народная Республика могла получить только от СССР и других стран социалистического содружества. По этим причинам представители мелкобуржуазного, националистического направления в Пекине вынуждены были за- таиться, временно подавить или замаскировать свои анти-

социалистические устремления. После победы революции в Китае восторжествовал курс на строительство социализма и укрепление интернационалистских связей с социалистическими странами и марксистско-ленинскими партиями. И это подтвердило правильность линии КПСС и международного коммунистического движения в отношении КПК и Китая.

Однако борьба внутри КПК продолжалась. Если марксистское, интернационалистское крыло партии принципиально отстаивало курс на строительство в Китае социалистического общества в тесном союзе с братскими странами, то мелкобуржуазные, националистические элементы преследовали другую цель: использовать экономические и политические достижения КНР для осуществления своих великодержавных, гегемонистских замыслов.

Именно с этих позиций рассматривали они успехи КНР в экономическом и культурном строительстве, рост ее международного авторитета. В пропагандистской и политико-воспитательной работе стала все шире осуществляться подмена марксизма-ленинизма «идеями Мао Цзэ-дуна». Нарушения ленинских норм партийной жизни, репрессии против коммунистов, защищавших марксистско-ленинские интернационалистские взгляды, постепенно приобретали систематический характер. Все более уродливые формы принимал культ личности Мао Цзэ-дуна.

«В конце 50-х годов,— говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции,— руководство КПК выдвинуло особый курс внешней и внутренней политики, означающий отход от марксизма-ленинизма и глубоко противоречащий принципам пролетарского интернационализма, основным закономерностям строительства социалистического общества. Группа Мао Цзэ-дуна стала осуществлять линию, в которой слились мелкобуржуазный авантюризм и великодержавный шовинизм, прикрываемые «левой» фразой, открыто вступила на путь подрыва единства социалистического содружества, раскола мирового коммунистического движения.

Авантюристический курс группы Мао Цзэ-дуна привел к резкому ослаблению позиций Коммунистической партии, рабочего класса Китая, к разгулу мелкобуржуазной, анархистской стихии. Создалась серьезная угроза социалистическим завоеваниям в Китае».

Ожесточенные атаки маоистов против мирового коммунистического движения и социалистического содружества, против братских партий и стран, открытая непримиримая вражда к КПСС и Советскому Союзу побуждают марксистов вновь возвращаться к истории Компартии Китая и китайской революции, к месту и роли в ней Мао и его окружения, более внимательно и непредвзято проанализировать свидетельства и документы прошлого. Такой анализ необходим, он дает возможность отыскать истоки, правильно оценить характер и перспективы политического развития страны, судьбы которой не могут быть безразличны международному коммунистическому движению, народам социалистических стран.

События в Китае служат уроком всем коммунистам мира. Они еще раз напоминают об опасности мелкобуржуазной идеологии и национализма. В нынешних условиях, когда мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества, необходимо с особым вниманием отнестись к ленинскому указанию о том, что борьба «с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»¹.

Вот почему наша партия, еще раз подтвердив на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1966 г.) неизбежность своего курса на дружбу и интернациональную солидарность с Компартией Китая, с Китайской Народной Республикой, сочла вместе с тем необходимым решительно разоблачать антиленинские взгляды и великодержавный, националистический курс нынешних китайских руководителей, усилить борьбу в защиту марксизма-ленинизма, генеральной линии международного коммунистического движения.

Разоблачение маоизма особенно необходимо на современном этапе исторического развития, который, как отметил апрельский (1968 г.) Пленум ЦК КПСС, характеризу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 165.

ется резким обострением идеологической борьбы. Весь огромный аппарат антикоммунистической пропаганды нацелен в настоящее время на то, чтобы ослабить единство социалистических стран, международного коммунистического движения, разобщить передовые силы современности, подорвать социалистическое общество изнутри. В этой обстановке Мао Цзэ-дун и его окружение играют роль пособников антикоммунизма. «Практическая деятельность Пекина на международной арене,—говорил тов. Л. И. Брежнев на Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.,— все более убеждает нас в том, что внешняя политика Китая фактически порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание».

Июньский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС единодушно подтвердил позицию, выраженную в выступлении делегации КПСС на совещании. В Постановлении Пленума было подчеркнуто, что «КПСС будет вести непримиримую борьбу против антиленинских идейных установок нынешних руководителей Китая, против их раскольнической политики и великодержавного внешнеполитического курса». Вместе с тем, подчеркнуто на Пленуме, «КПСС исходит из того, что коренные интересы советского и китайского народов совпадают».

Советский народ относился и относится к братскому китайскому народу с глубоким уважением и искренними дружескими чувствами. Он ни в коей мере не отождествляет Компартию Китая, Китайскую Народную Республику с группировкой Мао Цзэ-дуна, а злобные клеветнические нападки маоистов на Советский Союз и КПСС, на международное коммунистическое движение — с подлинным отношением коммунистов и трудящихся Китая к нашей партии и стране, ко всем братским партиям и социалистическому содружеству. Советские люди верят, что трагедия, переживаемая ныне Китаем,— исторически проходящий этап в его развитии, что, несмотря на все трудности, дело социализма победит и на китайской земле.

Всей своей историей китайский народ доказал, что он по праву может быть назван великим, героическим народом. И нет сомнений в том, что такой народ, преодолев трудности, сумеет отстоять завоевания своей революции и вернуть Китай на путь подлинного социалистического развития.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Становление Компартии Китая и борьба в ней двух линий	13
Формирование Мао Цзэ-дуна как политического деятеля	20
Борьба Мао Цзэ-дуна за безраздельный контроль над армией и партией	29
Борьба маоистов против коммунистов-интернационали- стов в КПК	38
Проявления национализма и антисоветизма в деятельно- сти Мао до победы китайской революции	49
Попытки маоистов вступить в сговор с американским империализмом	59
Кадровая политика маоистов	65
Заключение	74

*Владимиров Олег Евгеньевич, Рязанцев Владимир Ива-
нович.*

СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ МАО ЦЗЭ-ДУНА.

Редактор Г. К. Фокина

Художественный редактор Н. Н. Симагин

Технический редактор О. М. Семенова

Сдано в набор 4 июня 1969 г. Подписано в печать 8 августа 1969 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 4,20.
Учетно-изд. л. 4,14. Тираж 200 тыс. экз. А09312. Заказ № 2514.
Цена 12 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

12 коп.

